

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Легенда
о Шестикрылом
серафиме Врубеля
гласит — ангел может
воздать по заслугам тем,
кто изображен на обороте
рисунка...

Мария СПАССКАЯ

Шестикрылый серафим Врубеля

Мария Спасская
Шестикрылый
серафим Врубеля
Серия «Артефакт & Детектив»
Серия «Фабрика грез
Германа фон Бекка»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63083076
Мария Спасская Шестикрылый серафим Врубеля:
ISBN 978-5-04-112904-0

Аннотация

Журналистке Саше Ромейко удалось познакомиться с самим Саввой Мамонтовым! В его особняке она встретила знаменитых художников Коровина и Серова, а Врубель даже набросал для нее эскиз шестикрылого серафима. На обороте листа он изобразил всю их компанию, и Саша пожелала, чтобы каждому из них воздалось по заслугам...

Соня Кораблина случайно встретила своего бывшего возлюбленного Пашу Петрова, увлекающегося граффити, и отправилась вместе с ним на охоту за неуловимым уличным художником по прозвищу Шестикрылый. Но во время слежки Петрова убили, а подозрение пало на Соню! Ее друзья сразу

поняли: чтобы спасти девушку, им придется понять, кто скрывается под псевдонимом Шестикрылый и как он связан со знаменитой картиной Врубеля...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

102

Мария Спасская Шестикрылый серафим Врубеля

Сюжет романа разработан при участии Марго Зуевой
Оформление серии К. Гусарева

Серия «Артефакт & Детектив»

© Спасская М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Москва, 1894 год

Несмотря на конец весны, по коридору Преображенской психиатрической лечебницы гуляли немилосердные сквозняки, и младший ординатор Зарубин в который раз за этот вечер пожалел, что не послушал матушку и не надел на дежурство фетровые боты. Федор Иванович сиротливо спрятал обутые в щегольские ботиночки заиндевелившие ноги под казенный стул и, зябко передернувшись, вопросительно посмотрел на дежурного врача Рутберга, всем своим видом выражая готовность в любой момент записывать. В воздухе явственно пахло водочным перегаром, и ординатор неодобрительно покосился на посетителей.

Посетителей было трое при одном сопровождающем. Из полицейского управления только что для освидетельствования доставили двух сомнительных дам и очевидно безумного старца, и младшему ординатору прямо на первом своем дежурстве предстояло применить полученные в универси-

тете знания и дать оценку душевному состоянию несчастных. Конечно, не самому, а под руководством многоопытного доктора Густава Арнольдовича.

Со стариком сомнений не было – он был самым очевидным образом безумен. Брыкающегося и плюющего во все стороны пациента при помощи санитаров облачили в смиренный камзол, вкололи успокоительное и водворили в камеру под лестницей, ожидая благотворного воздействия лекарства, после которого можно будет провести медицинский осмотр.

С дамами дела обстояли не так однозначно. Та, что постарше, одетая не без мещанской роскоши, с худым, изможденным лицом и воспаленными глазами, прямой агрессии не проявляла. Только, скалясь, ухмылялась и грозила сухоньким кулачком в сторону забранного решеткой окна. Проследив, как за беснующимся стариком захлопнулась низкая дверка камеры, Густав Арнольдович обернулся к сопровождающему полисмену и осведомился, кивая лысой головой на сердитую даму:

– Ну, любезный, а это что за птица?

– Мещанка Авдотья Тихонова, держит постоянный двор в Немецкой слободе. Изволите видеть, впала в буйство и задолжавшего извозчика плетью чуть не до смерти засекла.

– У него, у ворюги окаянного, денежки-то есть! Есть! Мне это доподлинно известно! – перестав показывать зубы, вдруг зачастила Авдотья Тихонова, обернувшись к док-

тору и хватая его за руки. — Он, злыдень, специально от меня капиталы свои спрятал, неимущим прикидывается. Но неее-ет, шалишь! Хочешь, чтобы все было честь по чести, изволь платить за постой!

Тетка встала на цыпочки и, подавшись всем телом к лицу врача, со значением затрясла у него перед носом скрюченным пальцем. Доктор отшатнулся, провел ладонью по круглому черепу, приглаживая несуществующие волосы, и, скривившись, проговорил, обращаясь к уряднику:

— Везите в участок, это не по нашей части. Просто напислась. Завтра проспится, протрезвеет, будет отвечать за свои художества. А что со второй?

Вторая женищина была так молода, что больше походила на девочку. Она безропотно сидела на скамейке, куда ее усадили, глядя в одну точку и кутаясь в дорогое пальто. Взгляды присутствующих обратились на нее, но, казалось, девушка этого не замечает, сосредоточенно углубившись в свои мысли.

— Как зовут — не ведаю. На вокзале ее нашли, — деликатно кашлянул в ладонь полицейский. — Ходила по перрону, чемоданы свои искала. Думаю, опоили ее чем-нибудь, да и багаж умыкнули.

Доктор Рутберг подошел к застывшей в задумчивости девушке и легонько тронул за плечо.

— Прошу прощения, милая барышня...

Она словно бы очнулась и вскинула на доктора прозрач-

ные глаза.

— Вы нашли чемоданы? — с надеждой проговорила девица. Голос был высокий и чистый, словно хрустальный. И говорила правильно, что выдавало девушку из хорошей семьи.

— Как ваше имя?

— Имя? — В зелени глаз мелькнул испуг. Она помолчала и растерянно сообщила: — Не помню. Да и какая разница.

Но тут же снова вернулась к волновавшему ее вопросу, высоко и звонко спросив:

— Мои чемоданы у вас? В полиции сказали, что отведут туда, где чемоданы...

Густав Арнольдович многозначительно посмотрел на ординатора, и тот торопливо склонился над столом, принимаясь за работу. Не отвлекаясь, Федор заносил в «скорбный лист» не только слова больной, но и особенности поведения и мимики.

— Скажите, дорогуша, как давно вы в Москве? Откуда приехали?

Девица удивленно взглянула на дежурного врача.

— В Москве? Я никогда в Москве не была. Да и что бы я стала там делать?

— И где, по-вашему, вы сейчас находитесь?

— Должно быть, вы шутите! — Она звонко рассмеялась. — Конечно же, дома.

— И где ваш дом?

— Да здесь же!

— Тогда ответьте, милая барышня, зачем вы отправились с чемоданами на вокзал?

— Уезжаю на воды. Верните скорее чемоданы, там у меня и документы, и билеты. Все там. Должно быть, поезд с минуты на минуту отправится. Как бы не опоздать.

Она помолчала и с обидой заметила:

— Я не понимаю, отчего мы говорим о чем угодно, только не о том, что для меня действительно важно. Мне необходимы чемоданы. Мои чемоданы. Мне сказали, что они у вас. Соболаговолите вернуть.

Густав Арнольдович обернулся к приставу и обронил:

— Старика и девушку оставляем в отделении, а мещанку Тихонову можете забирать в участок.

Подписав бумаги и закрыв за полицейским и старухой дверь, доктор приглашающе кивнул, и от стены отделилась акушерка Мария Семеновна, незаметная в форменном крахмальном платье на фоне белого кафеля. Быстрой тенью она шагнула к больной, не слишком-то любезно помогла подняться с пуфика и, подхватив под локоть, повела за ширму. Густав Арнольдович склонился к младшему ординатору и напомнил:

— Результаты осмотра запишите на последней странице карты. Если венерических заболеваний нет, так и указываете. В случае обнаружения болезней не ленитесь, перечисляете, какие именно.

Федор утвердительно качнул головой, прислушиваясь к

звукам, долетающим из-за ширмы – торопливому шелесту шелка и требовательному голосу не склонной к сантиментам акушерки:

– Ну же! Снимайте все! Я сказала – все! И поживее!

– Что вы делаете! – всхлинула пациентка. – Вы порвете мне лиф!

– Обязательно порву, если ты и дальше будешь хватать меня за руки.

Заскрипело кресло, звякнули стальные инструменты, и акушерка выкрикнула:

– Заболеваний я не вижу, а вот беременность имеется. Приблизительно восемь недель.

Федор старательно вывел на последней странице карты: «Беременность – восемь недель». Доктор скосил в карту желтый глаз и сердито зашептал:

– Зачем вы это пишете?

– Ну как же, – растерялся юноша. – Это же медицинский факт...

– Какое нам дело до ее беременности? А если она во время пребывания у нас возьмет и выкинет? Что вы тогда запое-те? По ней же видно, что дворянка, может быть, даже из родовитых. Неприятностей не оберешься.

– Не понимаю! Зачем приличную барышню осматривать на предмет срамных болезней?

– А разве у родовитых сифилиса не бывает? – не без ехидства осведомился врач. – И потом, кто ее знает, где она

жила все это время. Вы не смотрите, что она чисто выглядит и прилично одета. Притоны тоже разные бывают. Может, девица из какого-нибудь высококлассного публичного заведения. Как у Анны Марковны на Каланчевке. С виду вроде бы и не подумаешь, а она возьмет и перезаражает всю лечебницу. Молодой вы еще. Жизни не знаете.

Густав Арнольдович подхватил сшитые грубыми нитками листы и вырвал последнюю страницу, скомкав и выбросив в корзину для бумаг. Кинув «историю болезни» обратно на стол, сердито буркнул:

– Пишите – венерических заболеваний не выявлено. И больше ничего не пишите на этой странице. А потом вернитесь к началу записей и укажите, что при первичном осмотре выявлены патологические нарушения памяти. И ориентации в пространстве. С диагнозом пока повременим. Понаблюдаем.

– Мне кажется, урядник прав – бедняжку опоили, чтобы ограбить, – высказал догадку младший ординатор. И жалостливо протянул: – А вдруг ее родные ищут?

Доктор налился желчью и правоучительно завел:

– Уважаемый Федор Иванович, вы уж поверьте старику, розыски пациентов семьей – не наша с вами забота. Если полиция не считает нужным озаботиться установлением личности этой так называемой «потеряшки», то, значит, того и не требуется.

Пока старый доктор рассуждал, из-за ширмы пока-

залась вновь оформленная пациентка, утратившая свою прежнюю респектабельность. Вместо добротного пальто на ней была надета лишь тонкая больничная сорочка, в которой девушка казалась заблудившимся ребенком. Низеньким, приземистым, на крепких коротких ножках. Собирая на ходу ее распущенные по плечам густые огненно-рыжие волосы в высокий хвост, акушерка подталкивала больную в пухлую спину, направляя к помывочной. Федор наблюдал, как, затолкав жертву в обложенную кафелем комнатушку, акушерка захлопнула за собой дверь, и через пару секунд слышался звук льющейся воды, и тут же раздался пронзительный женский крик такой высоты и силы, что у младшего ординатора заложило уши.

– Холодная водичка все недуги лечит, – одобрительно заметил доктор Рутберг.

И, снимая с крючка пальто с бобровым воротником, расправился:

– Федор Иванович, закончите с оформлением бумаг и проводите «потеряшку» в общую палату. Положите подалее от Глафиры и проследите, чтобы девочку не обижали.

Развернувшись к висящему над рукомойником дымному от старости зеркалу, Густав Арнольдович надел шляпу, не без щегольства сдвинув поля набок, и, подкрутив усы, кивнул Зарубину:

– Счастливо оставаться, коллега. Сдадите смену и с чи-

стой совестью отправляйтесь на боковую.

За дежурным врачом захлопнулась дверь, и Федор перевел тоскливый взгляд на помывочную, откуда доносилось жалобное девичье поскуливание и грозные окрики акушерки. Вскоре Мария Семеновна вышла, волоча за собой дрожащую мокрую пациентку, со спутанных волос которой обильными струями стекала вода, придавая несчастной сходство с утопленницей или русалкой.

– Скажите, а когда мне отдадут чемоданы? – стуча зубами от холода, тоненько вымолвила девушка, умоляюще глядя на суровый затылок своей мучительницы.

– Идите за мной, вам все отдадут, – сухо отрезала Марья Семеновна, решительным шагом приближаясь к застывшим в ожидании санитарам. Дюжие парни приняли пациентку в середине коридора женского отделения и привычно повели в палату.

У Федора сжалось сердце, такой юной и беспомощной показалась ему новая больная, неуверенно ступающая среди гигантов в несвежих медицинских халатах. Она семеняла между двумя мужчинами и робко спрашивала про чемоданы. Раньше Федор наблюдал пациентов уже в процессе лечения, и стянутые ремнями по рукам и ногам явные безумцы не вызывали у него особых эмоций. Пожалуй, только брезгливость. И еще профессиональный интерес. Теперь же имела место жалость, щедро приправленная симпатией.

Возможно, девушка напостила ему младшую сестру На-

дежду – особу эмансипированную, мечтающую поступить на бестужевские курсы, уйти из семьи и начать самостоятельную жизнь. А может, дело было в том, что «потеряшка» была молоденькая и хорошенькая, да еще и первая из его собственных пациенток. Как бы то ни было, но, глядя, как санитары уводят подопечную в палату, Федор переживал, но недолго. Он сильно замерз и теперь думал о том, что не помешало бы выпить чаю.

Младший ординатор Зарубин поставил точку в начатой «истории болезни», выбрался из-за стола и, накинув на плечи висевший в углу приемного отделения овчинный тулуп, отправился на кухню. Открыл водопроводный кран, наполнил чайник отдающей ржавчиной водицей и брякнул его на горячую плиту. Вернувшись в приемную, вынул из портфеля стопку прихваченных из дома газет и разложил на столе. Взял верхнюю – «Московские ведомости». Просмотрел и отложил – сделалось скучно. Определив по яркому сгибу, из середины стопки вытянул увлекательного «Шериня ля фам» и погрузился в чтение.

Газета специализировалась на жареных фактах и сенсационных расследованиях, а лучшим из публикующихся в «Шерине» авторов общепризнанно считался фельетонист Саша Ромейко. Ах, как хлестко он писал о борделях – посетителях-завсегдатаях и служащих там девицах, опустившихся не по своей воле, а в силу непреодолимых причин. Каких острых тем касался, рассказывая про бытовое пьянство

среди почтенных матерей семейств, доведенных до отчаяния неверными мужьями! Как клеймил позором отцов-домостроевцев, не отпускающих дочерей учиться!

Читать Ромейко считалось дурным тоном, однако вся Москва читала и, посмеиваясь, ругала автора за бесстрашие в выборе тем и не в меру фривольный слог. Дочитывая очередной фельетон любимого автора, Федор вдруг подумал, что стоит позвонить в редакцию «Шериня» и рассказать про «потеряшку». Приедет фотограф, сделает снимок, фотографию разместят на первой полосе газеты, и родные и близкие девицы обязательно откликнутся. Ничего сложного в этом нет. Телефон редакции указан, на всякий случай и адрес дан. Если не дозвонится, можно с утра прогуляться в редакцию и лично пригласить фотографа в лечебницу.

На душе сделалось легко. Правда, душевному покою способствовало не столько принятое человеколюбивое решение, сколько тоненький свист закипевшего чайника. Федор устремился на кухню и, вооружившись несвежим полотенцем, подхватил чайник с плиты. Вот прямо утром и свяжется с редакцией, думал ординатор Зарубин, заваривая чай. Затем он со вкусом отужинал оставленной для него на плите отварной рыбой с рассыпчатой картошечкой и, вернувшись в приемный покой, устроился на потертом диване, размышляя о семье новой пациентки. Как они, должно быть, сейчас волнуются! Как беспокоятся, бедняги, ме-

ста себе не находят... Шутка сказать – дочь пропала! Да какая дочь! Маленькая, рыженькая, пухленькая, с тонким детским голоском – не девушка – игрушка. Надо же, беременная. Должно быть, у нее и жених имеется. Нынче все прогрессивные барышни только и говорят, что о свободе и равноправии, о формализме брачных отношений, а причиной тому господин Чернышевский. Скандальным своим романом наделал столько шума, в скольких девицах разбудил эмансипацию!

Роман «Что делать» прогремел в шестидесятые, но и по сей день не диковина встретить на улице эдакую стриженую нигилистку в неряшливой юбке и в синих очечках, попыхивающую папироской и рассуждающую в духе Веры Павловны о превосходстве женской природы над природой мужской в плане ума. И громогласно заявляющей, что лишь многовековое господство насилия не позволило дамам найти себе нужную реализацию. Да что далеко ходить! Сестра Надежда, начитавшись Тургенева, пристрастилась дымить папироской и наотрез отказалась выходить замуж за наездорного советника, предпочтя скучному чиновнику юного студента естественнонаучного факультета.

И что греха таить, любящий братец уже отводил сестрицу к их больничной акушерке, к той же самой Марье Семеновне, чтобы не фраппировать маменьку внезапной беременностью незамужней девицы, пока что находящейся в статусе невесты и ожидающей окончания женихом универ-

ситетского курса и распределения в дальнюю губернию. Там, в глуши, Надюша планирует применить свои недюжинные педагогические таланты, основав школу для крестьянских детей и посвятив себя их воспитанию. Размышляя о всяких приятных и не очень приятных вещах, младший ординатор и сам не заметил, как погрузился в сон. Проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Открыв глаза, увидел склонившегося санитаря.

– Федор Иванович! Федор Иванович!

– Что такое? – вскинулся ординатор Зарубин.

– Господин доктор, – бормотал санитар, – пойдёте скорее!

– Да что случилось?

– В женском отделении новенькая бузит, – озабоченно сообщил здоровенный детина. – Всю палату перебудила.

Наблюдая за тем, как сидя на диване, не до конца проснувшийся врач пытается попасть ногами в изящные ботинки, санитар наставительно заметил:

– Вы бы, господин доктор, укольчик с собой прихватили, а я за смиренным камзолом схожу.

Справившись с ботинками и плохо соображая, что нужно делать, вчерашний студент распахнул стеклянные дверцы шкафа с медикаментами и в растерянности замер перед выставленными в ряд пузырьками с лекарством.

– При буйстве Густав Арнольдович обычно вот этот вот колет, – толстый палец санитаря указал на небольшую

склянку.

Федор ухватил нужный пузырек, наполнил иприсиц и двинулся следом за детиной. Тот семимильными шагами пересек коридор, и в конце его, на подступах к женскому отделению, Федор услышал звенящий жалобный голос:

– Господа! Верните чемоданы! Для чего вам понадобилось мое белье? Вы даже не сможете его продать! Ради всего святого, вещи не новые, они ничего не стоят!

– Слышите? Как проснулась, так глотку дерет, – санитар на ходу обернулся к ординатору. И недовольно добавил: – В буйное надо переводить.

– Погодите вы в буйное, – испуганно оборвал Федор.

В буйном было нехорошо, заходить туда Федор не любил. Честно говоря, боялся. Пациентки хотя и были прикованы к кроватям кожаными ремнями, но это не мешало им биться в конвульсиях и ругательски ругать каждого, кто попадется на глаза. В туалет больных водили по расписанию, но было бы странно думать, что помешанные особы станут считаться с графиком посещения нуржника. Они и не считались, ходили под себя. Поэтому запах в большом, на двадцать коек, помещении стоял такой, что стоило туда зайти, и делалось дурно. Санитары брали на себя труд мыть и переодевать несчастных лишь тогда, когда приходил посетитель. Но родственники и друзья крайне редко вспоминали о своих безумцах, и те месяцами гнили в обгаженных рубашках на кроватях с почерневшим от грязи бельем.

Учитывая все эти факты, переводить новенькую в отделение для буйных младший ординатор решился бы в самом крайнем случае, ибо, придумав ее судьбу и проникшись сочувствием к семейству девушки, чувствовал за «потеряшку» личную ответственность.

Причитания несчастной усилились, как только распахнули дверь. Бочком войдя в палату, Федор застыл на месте. Первое, что бросилось в глаза, – злобное лицо второго санитаря, сидящего в ногах жалобно кричащей пациентки. На левой щеке у девушки отпечатался красный след от пятерни – должно быть, кто-то из санитаров ударил ее по лицу. С соседних кроватей смотрели перепуганные пациентки, кутаясь в одеяла и не смея издать ни звука. Многие из них были не понаслышке знакомы с тяжелой дланью санитаров и лишний раз предпочитали не испытывать на себе гнев этих молодцев.

Заметив знакомое лицо, «потеряшка» еще больше оживилась и дрожащим от негодования голосом выкрикнула:

– Я требую! Нет, я настаиваю! Верните чемоданы! Там документы и билет! Если не отдадите, я подам на вас в суд!

От окна послышался надрывный старческий шепот:

– Прошу вас, милочка, молчите! Вы делаете себе только хуже!

Зарубин удивился. В первый раз он видел, чтобы грозная Глафира, третировавшая палату едкими подколами и грубыми замечаниями, о чем-то просила, да еще называла ко-

го-то «милочкой».

– Я всего лишь хочу получить свои вещи. Я имею на это право! Верните мои чемоданы! – не унималась новенькая, делая попытку встать.

– Скорее колите, доктор, и отнесем ее в буйное.

Федор изловчился и воткнул острое жало иглы в пухлую девичью руку. Надавив на поршень шприца, ввел лекарство. Вынул шприц, приложил к ранке ватку и только потом сказал:

– Я запрещаю трогать больную. Я сам с ней посижу. А вы идите, отдыхайте – Федор кинул исполненный благодарности взгляд на озадаченных санитаров.

– Ну-ну, воля ваша, – усмехнулся здоровяк, направляясь к выходу.

Второй санитар был не так сообразителен и некоторое время еще сидел, с недоумением глядя на врача. Потом поднялся и следом за товарищем вышел из палаты, выключив свет. Комната погрузилась в серый мрак, разбавленный, точно кофе молоком, лунным светом. Оставшись под приглядом младшего ординатора, пациентка зевнула и тихим голосом проговорила:

– Требую свои чемоданы...

Дыхание ее сделалось ровным, и через пару минут девушка спала. Федор просидел у нее в ногах до рассвета, рассматривая разметававшиеся по подушке медные волосы, усыпанное коричневыми пятнышками детское лицо, приоткрытые

яркие губы, смеженные веки в длинных темных ресницах, и ушел только тогда, когда фельдшершица зажгла свет и пожелала всем доброго утра. Покинув палату, Федор двинулся по коридору мимо спящих туда-сюда санитарок. И, перешагнув порог ординаторской, застал за мытьем рук только что пришедшего доктора Яшина. Хотел было попросить Яшина заранее, не дожидаясь приступа, вколоть новенькой успокоительное, но подумал, что доверять постороннему в таком деле нельзя. Проследовал в приемный покой, наполнил шприц лекарством и, вернувшись в общую палату женского отделения, сделал еще один укол.

В ординаторской, усевшись за стол, принялся телефонировать в редакцию. Набрав указанный на последней газетной странице номер, услышал заспанный голос:

– Главный редактор Гурко у аппарата.

– Послушайте, тут вот какое дело, – волнуясь, заговорил юноша. – Я состою младшим ординатором в Преображенской лечебнице для душевнобольных. Так вот, вчера к нам поступила барышня благородного вида. Ее обнаружили на вокзале. Барышня бродила среди толпы и искала свои чемоданы. Сердобольные граждане отвели несчастную в полицейский участок, откуда ее доставили к нам.

– Что же вы от меня хотите, любезный? – зевнул на том конце провода главный редактор Гурко.

– Помощи хочу, чего ж еще? – взмолился ординатор. – Я же говорю – бедняжка не помнит, кто она и откуда. Вот

если бы поместить ее фотографический портрет на страницах вашей газеты...

— Ну что же, это можно устроить. Я подъеду, скажем, часа через полтора.

— Отлично, господин Гурко! Меня зовут Федор Зарубин, я буду ждать вас у ворот.

И младший ординатор отправился домой. Выпив кофе, Федор попробовал прилечь, но отчего-то не спалось. Поворочавшись на потных простынях, он поднялся с кровати, освежил лицо под струей холодной воды и, одевшись, устремился в лечебницу. Благо жил он поблизости, так что на извозчика тратиться не пришлось. Пришел, конечно же, слишком рано и добрых полчаса прогуливался вдоль забора, застывая на пару минут перед калиткой в нетерпеливом ожидании, и, не дождавшись визави, снова продолжал свой вынужденный моцион. Наконец перед воротами остановился экипаж, и из него проворно выпрыгнул юркий живчик в котелке. На смуглом горбоносом лице выделялись щеголевато подкрученные усики. Держа на отлете кофр с аппаратом и треногу, уса́тый фронт устремился к застывшему в ожидании Федору.

— Позвольте отрекомендоваться, Гурко Петр Петрович. — Фронт дернул щечкой и протянул два пальца для рукопожатия.

— Зарубин Федор Иванович, — осторожно потряс хрупкую конечность младший ординатор.

— Ну что, ведите к вашей таинственной незнакомке, — черным глазом подмигнул Гурко, вручая треногу и кофр ординатору.

Федор безропотно принял из рук главного редактора предложенную ношу и двинулся в приемный покой, на ходу поясняя:

— Вы, Петр Петрович, не стесняйтесь, без меня устанавливайте фотографический аппарат, а я отправлюсь за пациенткой. Только, уж не взыщите, я не стану заранее предупреждать про фотографии, а то разволнуется и может впасть в буйство.

Петр Петрович замедлил шаг и настороженно взглянул на ординатора.

— Вот даже как? Она что же? Буйная?

— Да нет, ну что вы! Безобидна, как дитя, — горячо заверил Федор. — Бедняжка не помнит себя, страдает навязчивой фантазией, переживает об утраченном имуществе.

Миновав распашные двери приемной, они проследовали в ординаторскую. Из кухни доносились стук посуды и голоса больных — подоспело время завтрака. Опасаясь застать в ординаторской нежелательных свидетелей, Федор с опаской потянул на себя дверь и заглянул внутрь. Здесь никого не оказалось, и мужчины шагнули в помещение. Не теряя времени, сотрудник «Шериня ля фам» тут же принялся устанавливать треногу, а Федор отправился за пациенткой.

Как он и полагал, вместе со всеми неизвестная барышня в

столовую не пошла, а осталась в палате, держа глухую оборону. Лишь только увидев входящего в двери Федора, больная требовательно выкрикнула:

– Вы нашли мои чемоданы?

– Само собой, а чем я, по-вашему, все это время занимался? – невозмутимо откликнулся ординатор Зарубин.

Пациентка уселась на кровати и с любопытством взглянула на собеседника.

– И где же они?

– А вот пойдёмте, я вам покажу.

И, подходя к кровати и беря девушку за руку, Федор помог ей подняться и увлек за собой. Вывел из палаты, провёл по коридору и затолкал в ординаторскую. Заходя следом, услышал изумленно-радостный возглас черноусого редактора:

– Александра! Ты? Вот шельма, все-таки сделала по своему! Я же запретил тебе сюда соваться!

– Дядя Петя, какого черта вы тут делаете? – сердито ответствовала «потеряшка».

– Что значит «какого черта делаю»? Прибыл по звонку персонала лечебницы, чтобы сделать фотографический снимок безумной девушки, не помнящей свое имя. Заметь, по настоятельной просьбе отзывчивого эскулапа, одного из тех жестокосердных извергов, про которых ты готовишь свой разоблачительный материал.

И, взглянув на потрясенного ординатора, с усмешкой по-

яснил:

– Вот, дорогой мой Федор Иванович, прошу любить и жаловать. Перед вами фельетонист «Шериня ля фрам» Саша Ромейко.

Девушка круто развернулась и уставилась зелеными, как крыжовник, глазами в переносицу Федора.

– Очень приятно, госпожа Ромейко, вы мой любимый автор, я всегда ваши заметки с большим интересом читаю, – от растерянности принялся бормотать ординатор, глядя в сверкающие беженством девичьи глаза.

Саша прищурилась и сердито выпалила:

– Знаете что, Федор Иванович? Я вам никогда не прощу, что вы такой добренький! Какого черта не позволили поместить меня в отделение для буйных? У меня почти получилось! Такой материал сорвался!

– Шурочка, ну что ты! Стоит ли об этом переживать? – добродушно усмехнулся Петр Петрович.

– Конечно, стоит! Вы, дядя, не понимаете! Я так долго репетировала перед зеркалом роль помешанной!

– Глупая девчонка! Ты понимаешь, чем рисковала? А если бы любезный доктор не позвонил мне? Тебя упекли бы сюда до конца твоих дней!

– Не говорите глупостей. Я бы сказала, что я – это я!

– Кто «я»? Безмозглая гусыня! – вдруг расвирепел редактор Гурко. – Фельетонист газеты «Шеринь ля фрам» Саша Ромейко? Да кто тебе поверит! Мало ли в этих сте-

нах Наполеонов и Марий Антуанетт! Нет, Александра, я все же поражаюсь твоему безрассудству! Твой отец оказал мне доверие, я взял тебя в газету и за тебя ответственен, а ты так поступаешь!

Поникнув головой под гнетом обвинений, девица тяжело вздохнула и искоса взглянула на родственника. Тот насупился и молчал. Тогда она обернулась к Федору и безмятежно произнесла:

– Ну что ж, господин доктор, раз ничего не вышло, поскорее несите мое платье, я ухожу.

И, обращаясь к редактору, возбужденно заговорила:

– Да бросьте, дядя Петя, не дуйтесь! Слушайте. У меня родилась идея. Вся Москва только и говорит, что о провальной частной опере Саввы Мамонтова. Я думаю, что надо бы прямо сейчас отправиться к миллионику и спросить, не надоело ли ему швырять деньги на ветер. Как вам такой репортаж? Что вы на это скажете?

– Скажу, что ты, душа моя, совсем потеряла чувство реальности. Пойдем скорее отсюда, не здесь же обсуждать наши дела.

Вернув одежду мадемуазель Ромейко и распрощавшись, Федор смотрел на отъезжающих газетчиков в окно, предвкушая, как вернется домой и расскажет обо всем Надюше. То-то сестра удивится и обрадуется, что ее нескладный брат свел такое удивительное знакомство! Кто бы мог подумать, что бойкий фельетонист – прелестная девица?

Москва, наши дни

С недавних пор я полюбила гулять. Гулять не в одиночку, а с Виктором. Сосед показал мне укромные уголки Москвы, в которые я сама ни за что бы не догадалась заглянуть. Вик показал мне улитку. Да-да, отлитую на чугунных перилах виноградную улитку, ползущую к деревянному особнячку – дому Критского. За ним, этим домом, если пройти через двор, на Пятницкой улице сохранился другой особняк, уже каменный, с двумя флигелями. И прославился дом на Пятницкой как раз таки из-за своих виноградников. И, заметив на перилах маленькое чугунное насекомое, мы с Виком решили, что улитка об этом знает и стремится как можно скорее достичь вожаделенной лозы.

Мы исходили вдоль и поперек все центральные улочки, и полагаю, что за последнее время я вполне прилично узнала Москву. Когда я ехала сюда с Ладой из Питера, то думала, что ближе Лады у меня никого нет и не будет. Мы общаемся много лет, и Лада Валерьевна Белоцерковская как врач-

психиатр очень помогла мне¹. И вот моя Лада вышла замуж и растворилась в своем Игорьке. Конечно! Он и видный специалист в области психиатрии, и ректор одного из крупнейших в стране институтов по подготовке психиатров-криминалистов.

Но я на Ладиного Игоря не в обиде. Это через него меня разыскал мамин брат, дядя Боря Карлинский, тоже врач и тоже психиатр. Доктор Карлинский стал моим опекуном и познакомил с соседями – Верой Донатовной и Виктором. И Виктор мне с каждым днем становится все ближе и нужнее. Мы гуляем по Москве и разговариваем, разговариваем обо всем на свете и, кажется, уже не можем друг без друга.

Однако сегодня моей целью была отнюдь не прогулка. Я шла на удивительную выставку, отправляющую в путешествие по древним памятникам и виртуальным мирам. Сама бы я вряд ли туда попала, билеты достал доктор Карлинский. Мы планировали идти с Виктором, но в последний момент соседа вызвали на службу в прокуратуру, и я была вынуждена отправиться одна. Я шла, сосредоточившись на том, чтобы не наступать на трещины в асфальте, как вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась и увидела Петрова.

– Софи, ты? Вот не ожидал тебя увидеть!

Можно подумать, что я ожидала. Наши отношения с Пашей Петровым напоминают качели. Когда Петров взмывает

¹ Подробнее читайте в первой книге трилогии «Девять жизней Николая Гумилева».

в небо от переполняющей его симпатии ко мне, я неизменно оказываюсь на излете этого чувства. Хотя справедливости ради стоит заметить, что первой в Пашку влюбилась именно я. Когда-то, очень давно, когда мы еще жили в Питере, о Петрове ходили слухи, что он неформал от искусства и ногами расписывает стены окрестных домов. Я задалась целью и разыскала его художества. Писал он не так чтобы красиво, а скорее загадочно – всякие странные буквы, слитые в нечитаемые слова. И под каждым своим посланием рисовал зеленый самолет рубленой формы, три буквы и две цифры – МиГ31. Во дворе его так и звали – Пашка МиГ. Или Тридцать Первый. В этого-то МИГа Тридцать Четвертого я и влюбилась.

И, чтобы привлечь к себе его внимание, вынула у мамы из кошелька деньги и отправилась в ближайший «Леруа Мерлен» за красками. Накупив разноцветных баллончиков, я сложила их в рюкзак, рюкзак запихнула под кровать и стала ждать ночи. А дождавшись, вышла на улицу. Был январь, мороз градусов двадцать, но меня это не смутило. Я подошла к нашему дому с торцевой стороны, сняла варежки, достала баллончик с оранжевой краской и в непроглядной темноте принялась распылять краску на стену, стараясь сделать так, чтобы мое творение имело максимально круглую форму. Ну да, я рисовала солнце.

Так я потом и написала в объяснительной записке, которую от меня потребовали в детской комнате милиции. Рядом

со мной сочинял объяснительную Пашка-МиГ, его тоже задержали в ходе рейда по отлову уродующих город вандалов. МиГ поглядывал на меня с нескрываемым уважением. И даже с симпатией. И, заглядывая ко мне в бланк и читая мои каракули, говорил:

– Пипец какой-то! Рисовала солнце! Как в детском садике. Пусть всегда будет солнце! А знаешь что? Сделай солнце своим тэгом. Ты Соня? Подписываться будешь Солнцем.

Рядом с ним скучала над исписанным листком ярко накрашенная девица, то и дело целовавшая Пашку в щеку для утверждения своих на него прав и смотревшая на меня, как солдат на вошь. Заметив слишком пристальное внимание МиГа ко мне, она вдруг выпалила:

– Между прочим, я точно знаю, что это она организовала приемку.

И вместо того чтобы окоротить обманщицу, объект моего обожания глянул на меня с неприязнью и презрительно протянул:

– Так это ты нас сдала?

Он так легко поверил гнусной лжи, и это повергло меня в шок. Ради него я залезла в мамин кошелек и похитила деньги, ради него мерзла ночью у стены, ради него убегала от преследовавших меня полицейских и томила в набитом деклассированными элементами автобусе. И от него я слышу такие страшные вещи! Любовь тут же завяла, как ромашка на снегу.

Вместо меня ответил наблюдавший за нами капитан:

– Не Кораблина вас сдала. Это общегородской рейд. Пришла разнарядка сверху.

И, посмотрев на раскрашенную девицу, капитан грозно сдвинул брови:

– А ты, Ломакина, прекращай!

– А чего сразу я-то? – заныла девица.

– Много разговариваешь. На волосок от колонии, а все никак не угомонишься.

Так я остыла к граффити и разлюбила Пашку Петрова. Зато он всю школу мне прохода не давал. И даже поехал за мной в Москву, поступать во ВГИК. Я училась на киноведческом, Петров – на художественном. Иногда ребята с его факультета устраивали в стенах вуза выставки, на которые я, само собой, ходила. И видела Пашкины работы. Рисовал он так, что я снова в него влюбилась. А вот он ко мне заметно охладел, ибо увлекся своей однокурсницей, не чурающейся стрит-арта. К своему стыду, должна признаться, что я снова накупила цветных аэрозолей и стала мотаться с компанией творческой молодежи теперь уже по Москве, оставляя свои следы на урнах и ларьках, расписывая концептуальным бредом лавочки и магазинные жалюзи.

Пашка меня игнорировал. Вернее, не то чтобы игнорировал, а относился спокойно, как к старому другу. Меня душила обида, и я до самого окончания института из кожи лезла вон, чтобы ему понравиться. Потом уехала домой и про него

забыла. А теперь вот снова.

– Привет, Паш, – улыбнулась я.

Он почти не изменился. Невысокий, плотный, в черном худи с готическими рунами, широких джинсах и в шапке-бини, из-под которой свисает его неизменный русский чуб. В руках дымящаяся сигарета, в прищуренных глазах дерзкий вызов всему миру.

– Солнце, ты сейчас куда?

Я отправила в урну бумажку от мороженого и ответила:

– В «Арт-Плей».

– Я тоже туда, – обрадовался Пашка. Окинул меня заинтересованным взглядом и пояснил: – Сволочь одну ловить.

– Ты все с Шестикрылым воюешь?

– Должен же кто-то его остановить. Написал, гад, в Инстаграмме, что вывесит сегодня на «Мистик Юниверсе» свои работы. Хвастается, козел. Ребята уже там, мы его с поличным возьмем.

История вражды российского граффити-сообщества с художником стрит-арта с тегом «Шестикрылый» брала начало года с две тысячи десятого. Ни с того ни с сего появился на просторах столицы неизвестный райтер, быстро и метко оставляющий трафаретные рисунки в самых неожиданных местах. Рядом с трафаретными картинками неизменно появлялся тег «Шестикрылый». Работы были остро социальные, и вскоре о художнике заговорили все средства массовой информации, называя Шестикрылого уникальным явлением и

пророча ему большое будущее. В то время, когда власти города его мазню во избежание порчи покрывали защитным стеклом, остальных райтеров продолжали забирать в полицию и жестоко карать. Это не могло не вызвать волну возмущения среди уличных художников. И Шестикрылому объявили войну, призывая остановиться.

Но тот не собирался останавливаться и пиарил себя как только мог, все больше коммерциализируя свой талант. Понятно, что трудился над этим он не сам. И что у парня была команда менеджеров и агентов, помогавшая Шестикрылому сохранять инкогнито и в то же время устраивать выставки своих работ, на которых за астрономические суммы продавались нанесенные на холст его самые узнаваемые трафареты. А чтобы шумиха вокруг его имени не утихала, Шестикрылый, насмешливо прозванный в сообществе художников граффити Падшим Ангелом, повадился наведываться в художественные галереи и на выставки, расклеивая между экспонирующихся картин свои работы. Именно о такой готовящейся акции и говорил МиГ. Я сделала осведомленное лицо и уточнила:

– И много людей собираются ловить?

– Сейчас увидим. Списывались человек десять, придут, полагаю, поменьше. Хочешь поучаствовать в охоте?

– Само собой, – обрадовалась я.

Пашка глубоко, до фильтра, затянулся. Поравнявшись с урной, выбросил окурок и, кинув на меня быстрый взгляд,

проговорил:

– Только ты это, на Громову не обращай внимания. Я решил, что мы с ней разбежались, но Люська не согласна.

– С чем?

– Глупый вопрос, – недовольно протянул Пашка. – Само собой, с тем, что разбежались. Громова столько для меня сделала, а я, получаюсь, свинья. Это же Люська меня в театр декоратором устроила. И в Москве регистрацию оформила. Я ей, конечно, за это очень благодарен, но не могу больше с ней жить. Душная она.

– Раньше мог, а теперь не можешь?

– Ну не люблю я ее, – с надрывом простонал Петров. – Думал, как-то притремся друг к другу, а все не притираемся. А ты как, Солнце? Замужем?

– Я свободна, и если тебя интересует, есть ли у меня молодой человек, сразу отвечу – нет.

Сказала, покраснела, понимая, что лукавлю, и тут же успокоила себя. Виктор не в счет, хотя сосед по коммуналке всячески и старается стать для меня незаменимым. Я, конечно же, ценю его внимание, но все-таки считаю, что никому ничего не должна.

– Солнце, это знак! – оживился парень. – Я не сомневался, что рано или поздно снова с тобой увижусь. И что на этот раз все будет как надо.

Мы подошли к большому зданию красного кирпича и перед входом увидели с десяток парней и одну-единственную

коротко стриженную девицу, в которой я сразу же узнала Грому. В студенческие годы ее называли Муха Навозница – за пристрастие к блестящей одежде. Вот и сейчас Люська сверкала фиолетовой, с алым отливом, туникой в пол, под которой виднелись крохотные серебряные шорты и перламутровый топ.

Заметив, что Пашка не один, она изменилась в лице и стала злобно сверлить меня глазами – похоже, что тоже узнала. Пока ребята обменивались приветствиями, Муха терпела и исходила ядом молча, а когда пошли внутрь галереи, все-таки не выдержала, прибилась к нам с Пашкой и, следуя за нами по пятам, сердито зашипела:

– Слушай, Паш, на кой черт ты ее приволок? Чтобы меня уесть?

Не сбавляя шаг, Пашка презрительно сплюнул и ничего не сказал.

– Совсем оглох? – повысила голос Громова. – Отвечай! С тобой разговаривают!

– Чего тебе? – миролюбиво откликнулся Пашка.

– Мне назло Кораблину приволок, тебя спрашиваю?

– Да мы случайно встретились...

– Да ладно, случайно! Так я и поверила! Сонька всегда таскалась за тобой хвостом, потом вернулась в Питер, ты остался в Москве, и вдруг – о чудо! В многомиллионной столице вы с ней случайно встретились!

– Да говорю тебе...

– Сонька сталкерит за тобой! Следит за каждым твоим шагом! Простить не может, что ты со мной живешь!

– Не живу, а жил, – флегматично поправил Паша.

– Да по фиг! – рассвирепела Люська. Но тут же взяла себя в руки и уже спокойно заметила: – Паш, а помнишь, ты говорил, что с месяц назад у тебя смартфон пропал.

– Ну да, посеял где-то.

– Она и сперла!

Павел остановился, развернулся к бывшей сожительнице и хмуро обронил:

– Слушай, мать, ты утомила. Ты же теперь с Илюшей? Вот и иди к своему Саркисяну, не раздражай мужчину. Видишь, как недобро он на меня поглядывает. Еще зарэжут.

Шипя, как рассерженная гусыня, Люська отошла, а МиГ, собрав всех в холле, проговорил:

– Значит, так. Мы с Солнцем встанем у черного хода. Илья и Людмила – у центрального. Остальные расходятся по залу и внимательно следят за всеми посетителями. Неважно, мужчина это или женщина. Шестикрылый может подослать кого угодно.

Недовольно морщась, Громова подхватила под руку высокого смуглого парня с буйной шевелюрой и затравленным взглядом и устремилась к большому, во всю стену, зеркалу. Здесь и осталась, делая вид, что прихорашивается и оправляет клетчатую рубашку своего кавалера. Другие охотники за Падшим Ангелом двинулись в зал, а мы с Пашей прогу-

лочным шагом направились по коридору в глубь галереи, делая вид, что просто осматриваемся.

– Я видел схему здания, служебный выход где-то здесь, – прошептал МиГ, сворачивая за угол и спускаясь по ступеням вниз.

И в самом деле, мы приблизились к незапертой железной двери, Паша толкнул ее и выглянул на улицу. Огляделся по сторонам и удовлетворенно кивнул.

– Все правильно. Выход на задний двор. А теперь, Софи, давай целоваться.

– Пашка, с ума сошел?

– Исключительно для конспирации. А ты что подумала?

Что подумала, то и подумала, не важно. Он прижал меня к себе, впился губами в мой рот, я закрыла глаза, обняла за шею и, почувствовав такой знакомый запах табака и краски, на какое-то мгновение утратила чувство реальности. Разве такое бывает? В многомиллионном городе оказаться в одно время в одном месте... Люська права, наша встреча – и в самом деле удивительное совпадение. Скрипнула неплотно прикрытая дверь, мне в лицо повеяло ветерком с улицы, и, когда я взглянула на Петрова, то увидела, что он медленно садится на пол. Парень с изумлением смотрел на меня, и в стекленеющих его глазах я отчетливо видела свое отражение.

– Паш? – тихо прошептала я.

Петров молчал, и это было особенно страшно.

– Пашка, что? Не молчи! – закричала я так, что у самой заложило уши. – Сердце? Да? У тебя прихватило сердце?

Он беспомощно улыбнулся и привалился к двери. Привалился неплотно, между ним и дверью оставалось приличное расстояние, и я, усаживая Пашу удобнее, провела рукой по его спине. Рука коснулась липкого и теплого и, поднявшись повыше, уперлась в холодную сталь. Сообразив, что это, должно быть, нож, я тут же отдернула руку и увидела на пальцах кровь. Пашу зарезали? Но когда? И кто? А вдруг это я, только не помню? Это было самое страшное, и я не могла об этом думать. И не думать не могла. В голове стучало и пульсировало – я? Я? Я?

Я пребывала в ступоре, когда нас нашли. Какие-то люди сустились вокруг Паши, меня подняли с пола и отвели в машину, усадив на заднее сидение и пристегнув наручниками к какому-то мужчине в форме полицейского. Я не сопротивлялась. Я просто смотрела на все со стороны, как будто это происходит не со мной, и больше всего боялась утратить над собой контроль и выпустить в круг света ДРУГИХ.

Москва, 1894 год

Главный редактор Гурко уселся в пролетку, взгромоздил рядом с собой фотографические принадлежности и, посадив спутницу на подушки, велел везти на Садовую-Спаскую. Дорогой редактор хмурил брови и говорил:

— Любопытно было бы узнать, под каким предлогом ты собираешься заявиться к Мамонтову? Здравствуйте, я Саша Ромейко? Собираюсь написать о вас ядовитый фельетон? Ну, допустим, с Врубелем я тебя сведу. С ним-то мы с тобой, Александра, поболтаем, тут уж будьте покойны. А вот насчет Саввы Ивановича не уверен — захочет ли он с нами разговаривать?

— Да бросьте, дядя Петя! — беспечно отмахнулась девушка. И самоуверенно добавила: — Ни один человек еще не отказывался от беседы со мной.

Самоуверенность Александры возникла не на пустом месте. Саша Ромейко и в самом деле была по-своему исключительна. В сложном искусстве фельетонистики она чувствовала себя как рыба в воде. Хотя в профессию пришла не сразу, сначала думая посвятить себя большой литературе. Как и все молодые барышни ее склада, девица Ромейко мечтала написать что-нибудь великое, как Мария Башкирцева, портрет которой висел у Александры над столом.

Нет, она, конечно, не планировала посмертно опублико-

вать свои дневники, как это сделала талантливая, но рано ушедшая из жизни поэтесса, переписывавшаяся с самим Виктором Гюго. Да это и не обязательно – рано уходить из жизни. Саша Ромейко еще поживет! И сделает что-нибудь исключительное. Она еще не знает, что именно. Но что-нибудь такое, что всколыхнет этот сонный мир. И заставит мужчин смотреть на женщин как на равных.

В газету ее привел случай. Вернувшись на каникулы домой, Александра попала прямиком на похороны двоюродной тетки. И за поминальным столом с удивлением узнала, что кузен и кузина поделают наследство покойной отнюдь не в равных долях. Дочери принадлежит лишь одна четырнадцатая часть наследства, остальное заберет себе сынок. И, хотя ее это совершенно не касалось – Александра была единственной дочерью своих родителей и родных братьев не имела, – несправедливость больно задела начинающую литераторшу. Там же, на поминках, Саша разразилась гневной речью, но только два человека отнеслись к словам мадемуазель Ромейко всерьез. Первым был теткин муж, смуглый жигачик Петр Петрович Гурко. Дядя Петя как раз только-только начал издавать газету «Шершень ля фам», позиционируя как развлекательно-познавательную, и примерял на свое детище все неожиданное и оригинальное.

Вторым человеком был Володя Соколинский, единственный сын родной сестры дяди Пети, которого Саша знала с самого детства и жутко сердилась, когда родные называли

их женихом и невестой. В том, что она и в самом деле нравилась Соколинскому, Александра убедилась, когда отправилась на учебу в Дрезден, чтобы стать литератором. Володя последовал за ней и стал студентом юридического факультета. И как будущий юрист Соколинский с интересом выслушал за поминальным столом ее обличительную речь о несправедливости наследственной системы и пообещал как правовед со своей стороны сделать все возможное, чтобы остановить творящееся беззаконие. А дядя Петя предложил написать об этом фельетон и поместить в его газете. Петр Петрович не просчитался – смелая статья, написанная не без сарказма прекрасным русским языком, сразу же принесла «Шериню» популярность.

Почувствовав, что вовсе не большая литература, а разоблачительные фельетоны – как раз то, чего жаждет ее беспокойная душа, Шурочка больше не вернулась в Дрезденский университет, с увлечением взявшись писать для «Шериня». К работе своей она относилась серьезно. Если уж затевала статью, то материал собирала так основательно, что могла бы написать научный труд. Хорошее знание предмета вызывало симпатии и уважение к автору как у читателей, так и у героев статей.

Володя тоже остался в России, переведясь в Московский университет и продолжая изучать юриспруденцию. Шурочкина бескомпромиссность забавляла студента Соколинского, и часто по вечерам, сидя в гостиной и слушая, как неве-

ста с горячностью рассказывает об очередной обнаруженной ею несправедливости в отношении женщин, беззлобно подтрунивал над ней, целуя в нос и называя своей «неугомонной глупой суффражисткой». Однако девушка вовсе не была глупой. Скорее наоборот. Может быть, слишком упрямой и чересчур настойчивой, но журналисту и нельзя быть другим.

– Какой смысл гадать, захочет Мамонтов с нами разговаривать или нет? Пока не рискнем, все равно не узнаем. Дядя Петя, давайте просто приедем на Садовую-Спасскую, а там уже будет видно, – решительно тряхнула рыжими кудрями Саша Ромейко.

– Ой, допрыгаетесь, Александра Николаевна! – с комической скорбью поджал губы родственник. – Найдете приключения на свою огнегивую голову.

Пожурил, но к Мамонтову поехал. Двухэтажный особняк на Садовой-Спасской знала вся богемная Москва. И по дороге Петр Петрович брюзжал:

– Сама должна понимать, кто такой Мамонтов! Это толп! Глыба! Магнат! У него получается все, за что он ни возьмется.

– С такими-то деньжищами немудрено.

– Да ты цинична!

– Пардон, мон анкл, больше не буду. А если честно, то я давно присматриваюсь к господину Мамонтову на предмет статьи. Вы правы, он уникальный человек. Как там о

нем пишут в газетах? Успешный промышленник, страстный покровитель искусств, Савва Великолепный и Московский Медичи. Он не только помогает всем, кого находит талантливым, но и буквально фонтанирует идеями, заражая окружающих энтузиазмом. Покровительствует оперному искусству – открыл «Частную оперу Кроткова» и привлекает к созданию декораций – нет, не просто маляров, а лучших художников нашего времени! Люди искусства чувствуют себя в особняке Саввы Ивановича как дома. В общем, лучшего объекта для фельетона трудно найти.

– Что же о нем можно сказать в фельетонном стиле? – удивленно взглянул на племянницу Гурко. – Для неуживчивого Врубеля он даже отстроил целый флигель, в котором художник творит своих «Демонов».

К этому-то флигелю и подъехали сотрудники газеты «Шершень ля фам». Выпрыгнув из экипажа, Александра устремилась к крыльцу и, взбежав по ступеням, энергично принялась крутить ручку звонка. Велев извозчику дожидаться, Гурко двинулся за племянницей. Он как раз успел взойти на крыльцо, когда дверь распахнулась, и на пороге показался худощавый мужчина с зачесанными назад пшеничными прядями. Он окинул тяжелым взглядом приплясывающую от нетерпения девушку, потрогал рыжеватые усы и неловбезно осведомился:

– Вам кого, сударыня?

Выглянув из-за спины журналистки, главный редактор с

воодушевлением проговорил:

– Михаил Александрович, дорогой вы мой, мы к вам.

Обладатель пшеничных усов недоверчиво дернул плечом и не двинулся с места. Врубель был известен как художник, творчество которого решительно никто не понимает. Когда к юбилею Лермонтова решено было издать подарочный двухтомник поэта с иллюстрациями «лучших художественных сил», только Врубель благодаря протекции Мамонтова был единственным художником, неизвестным публике. Впрочем, именно его работы вызвали шумиху в прессе – критики отмечали их «грубость, уродливость, карикатурность и нелепость». Именно тогда Михаилу Врубелю и представился случай в первый раз реализовать тему «Демона», который завладел им еще в Киеве и не отпускал до сих пор.

Александра рассматривала одиозного художника. Высокий, худощавый, с бледным надменным лицом и светлыми водянистыми глазами, которые смотрят на нее так, точно она – пустое место. Собирая материал для задуманной статьи о Савве Мамонтове, фельетонистка услышала историю о первом визите Врубеля в Абрамцево, куда его пристроили гувернером хозяйских сыновей. Будто бы, желая поразить гостя, радушный Савва Иванович провел художника в свой кабинет и распахнул полог, закрывавший от посторонних глаз главную гордость мамонтовского кабинета – скульптуру Христа в человеческий рост работы Антокольского – очень дорогую для хозяина вещь. Врубель взглянул и брезгли-

во произнес:

– Это не искусство!

И Репина припечатал, прямо в глаза заявив Илье Ефимовичу, что тот не умеет рисовать. Одним словом, не характер, а укус. Пока Александра рассматривала строптивца, тот нелюбезно проговорил:

– А, это вы, господин главный редактор!

В голосе Врубеля послышались ироничные нотки, и он насмешливо осведомился:

– Как продвигается охота за сенсациями?

– Может быть, пустите к себе? – пригибаясь под тяжестью фотографического оборудования, взмолился издатель «Шершня».

– Может, и пуцу, – хмуро проговорил хозяин флигеля. И, окинув взглядом Александру, заинтересованно уточнил: – Кто это с вами? Актриса?

Говорили, что Врубель окружает себя людьми странными. Снобами, кутилами, цирковыми артистами, итальянцами, бедняками и алкоголиками. И что его переезд из Киева в Москву связан с увлечением цирковым искусством – в особенности одной цирковой наездницей.

– В некотором роде... – туманно отвечивал Гурко, вталкивая Александру в прихожую и вваливаясь сам.

– Только ненадолго, работы много, – предупредил художник, запирая на замок входную дверь и следуя за гостями. – Проходите в гостиную, но не пугайтесь – мы занавес для

Частной оперы расписываем, – усмехнулся он.

Александра свернула в распахнутые двери, которыми заканчивался коридор, и очутилась в просторной комнате, которую почти целиком занимала натянутая на грубо сколоченную раму плотная пестрая ткань. Фельетонистка остановилась и замерла в дверях, с трудом переводя дыхание от охватившего ее восторга. На огромном полотне разворачивалась сцена из античной жизни: под сенью статуи Венеры поэт, по-видимому, Данте, расположился с арфой в окружении слушателей в костюмах эпохи позднего Возрождения. Над замороженными слушателями синим покрывалом нависло низкое итальянское небо, а вдали белели вершушки очертаний Неаполитанского залива. Александра с трудом оторвалась от созерцания грандиозного полотна и обернулась на голоса. В гостиную входили трое – Врубеля она уже знала, двух других господ пока еще нет.

– Кого я вижу! Дон Педро! – заулыбался взлохмаченный румяный брюнет. Он выглядел так, словно его только что разбудили – волосы в беспорядке, борода и усы всклокочены, между брюками и жилетом надувается парусом рубашка.

– Приветствую вас, Константин Алексеевич! – оживился редактор, пожимая протянутую, в перстнях, руку. – Мое почтение, Валентин Александрович. – Оставив в покое руку лохматого, Гурко шагнул навстречу угрюмому шатену.

Тот скупно кивнул и тоже ответил на редакторское рукопожатие. От полноты чувств фельетонистка сделала

нниксен. Именно такими она и представляла себе художников Серова и Коровина – совершенно непохожих друг на друга друзей, которых, как утверждали злые языки, Савва Мамонтов, подчеркивая их неразлучность и чтобы не тратить понапрасну лишних слов, называл Серовин. Валентин Серов слыл немногословным, неторопливым и основательным педантом, и кто-то однажды даже пошутил, что в компании Серов настолько тихий и незаметный, что на него можно сесть. Коровин же был весельчак, баловень, человек-праздник. Порывист, несерьезен, слишком «богемист».

Абрамцевский дом Мамонтовых представлялся Александре, по рассказам побывавших там счастливых, эдаким Эдемом, где в атмосфере нескончаемого праздника и всеобщей любви добрые эльфы днем и ночью поют, пляшут, рисуют картины, вышивают гладью и расписывают керамику. Коровин появился в этом творческом раю значительно позже Серова. Только тогда, когда уже учился в Академии художеств, и подружился со входящим в Абрамцево художником Поленовым.

Валентин же Серов считал Абрамцево своим домом, ибо подолгу жил в усадьбе еще ребенком и любил Мамонтовых даже больше, чем настоящих родителей. Он откликался на непонятно как прилипшее к нему имя Антон, со всеми держался с достоинством и без позерства, ибо уже в позднем младенчестве исколесил пол-Европы, был ко всему привычен и ничему не удивлялся. В четыре года в Швейцарии будущий

портретист катался на ньюфаундленде Рихарда Вагнера. В девять лет Тургенев спасал его от дурного влияния парижских проституток. А в десятилетнем возрасте Серов учился рисованию у Ильи Репина – старого друга его отца, известного композитора. И поэтому не было ничего удивительного, что в утонченной эстетской атмосфере мамонтовского дома Антон-Валентин был как рыба в воде.

Приятель его Коровин был сыном обнищавшего купца и вырос в деревне. Спорам об искусстве и мучительным творческим поискам художник предпочитал удовольствия простые и бесхитростные – охоту и рыбалку. И, вопреки аскету Серову, довольствовавшемуся малым, любил роскошь, красивые жесты и шикарные вещи, заказывал ювелирам кольца и перстни, для которых рисовал эскизы, и с удовольствием носил их сам или раздаривал знакомым.

– Эко у вас кучеряво! – воскликнул редактор Гурко, скидывая с плеча кофр и обводя рукой живописное полотно. – Хороша античность. Статуя удалась – загляденье! И скажите хоть куда.

И издатель «Шериня ля фам» обернулся к Серову. Художник смотрел на пришедших сосредоточенно и мрачно, предоставив Коровину развлекать гостей. Врубель тоже не замечал присутствующих, сразу же пройдя в глубь комнаты и приступив к работе.

– И хотелось бы приписать себе чужие лавры, да совесть не позволяет, – хохотнул кудлатый Коровин, охотно вклю-

чаясь в беседу. – Это детище целиком и полностью принадлежит Михаилу Александровичу. Мы с Антоном у него на подхвате, как простые подмастерья.

– Позвольте запечатлеть красоту на память.

Гость принялся расчехлять фотографическую камеру, но Врубель вдруг оторвался от работы и категорично произнес:

– Э, нет, не нужно. Не люблю я аппараты. Лучшие карандаша ничего нет.

– И что же, Михаил Александрович, вы не разрешите мне сделать коллективный снимок? Увековечить всех нас, так сказать, на долгую добрую память?

– Не надо снимков. Лучшие я сам нарисую, – скупобронил художник, снова принимаясь за дело.

Смягчая возникшую неловкость, Коровин посмотрел на Сашу маслянистым взглядом дамского угодника и потянулся к ручке, мурлыча:

– Дон Педро, представь же нас своей очаровательной спутнице...

– Отчего же не представить? – застегивая не понадобившийся кофр, буркнул редактор. – Саша Ромейко, прошу любить и жаловать.

– Быть не может! Чтобы такая очаровательная девица писала такие пакости! Прямо даже не верится.

– И напрасно, – усмехнулся Петр Петрович. – Теперь вот хочет писать фельетон про театр Саввы Ивановича. Вы

как, друзья мои, не против?

– Да на здоровье, – широко улыбнулся Коровин. – Пусть пишет о чем хочет, талантливое перо нужно поощрять. Присаживайтесь, барышня.

Он сделал движение в сторону кресел, но Александра продолжала стоять, в изумлении рассматривая работу Врубеля. Теперь уже ее потряс не занавес, а стоящий в стороне холст с начатой картиной – полубогажденная, крылатая, молодая, уныло-задумчивая фигура сидит, обняв колена, на фоне закатного неба.

– Вот она, демоническая сила искусства. – Коровин многозначительно подмигнул газетчику.

Тот подскочил к племяннице и одобрительно зацокал языком:

– А ведь хорошо! Хотя и пугающе... Что скажешь, Шу-рочка?

Александра вздрогнула и сердито обернулась к Серову как к единственному человеку в этой комнате, с которым можно говорить серьезно.

– Это расточительство! – хмуро сообщила она.

– Что именно? – не понял художник.

– Да то, как Савва Иванович разбрасывается талантом Врубеля. Взгляните на это полотно! Вот где искусство! Искусство на века! А Михаил Александрович расписывает занавес! Занавес! Который истлеет лет через десять! И лепит печные изразцы для абрамцевской гончарной мастер-

ской! И это художник, от взгляда на картины которого холодеют руки и стынет в жилах кровь!

Девушка описала рукой полукруг и остановила указательный палец на полотне с сидящим демоном.

— А чем нехороши печные изразцы? — Серов в недоумении пожал плечами.

— Да тем, что разобьются! А работы Врубеля должны сохраниться для потомков! Савва Иванович, конечно, меценат, но только какой-то уж очень специфический. Приглашает к себе гения, чтобы тот расписывал плафоны.

— Не только плафоны. Еще и балалайки.

— Вот! И балалайки! Вы сами слышите себя — врубелевские балалайки! А еще — я узнавала — есть изразцовая лежанка — Врубель создал ее в Абрамцеве для прихотей обитателей этого вашего местечкового Эдема. Да, роскошная лавка работы Врубеля теперь у вас есть, но ведь картины-то не написаны! Вместо всей этой чепухи не лучше бы было заказывать Михаилу Александровичу как можно больше живописных полотен?

— Вот вы бранитесь, а напрасно, — добродушно хохотнул Коровин. — Миша и сам не слишком-то трепетно относится к своим картинам.

— Не нам с вами об этом судить.

Откинувшись в кресле, Коровин весело взглянул на собеседницу и начал:

— Извольте, я вам поведаю трагическую и даже зловеющую

историю с «Молением о чаше». Васнецов и Прахов как-то утром заглянули к еще спящему Мише и были поражены. На натянутом на подрамник полотне зеленел Гефсиманский сад, залитый прозрачным, мягким лунным светом, и в глубине сада изнемогал молящийся Иисус. Друзья разбудили объятых сном Мишу, полные неописуемого восторга. А Миша, протирая глаза, недоуменно их слушал, слушал, как они умоляли не трогать, не прикасаться к чудной картине, просили дать им слово в этом. И Миша, беспечный, слово дал. Чего же проще? Васнецов и Прахов бросились к богачу Ивану Терещенко, убедили, умолили ехать с ними и тотчас купить картину. Терещенко приехал, восхитился, заплатил, да не забрал полотна с собой. Врубель же вечером попал в цирк, пришел в восторг от номера наездницы и ночью поверх «Моления о чаше» написал свою циркачку.

– Сколько можно вспоминать! – недовольно проговорил Врубель, не отрываясь от работы. – Я уже повинился в этом своем проступке.

– И после этого ты снова испортил картину, на этот раз «Богородицу»!

– Может, и не было никакой «Богородицы», – с сомнением в голосе протянул художник. – Ее видел только Васнецов.

– Ну да, и пока Васнецов бегал звать Прахова, ты, Мишенька, снова написал поверх святого образа свою Дульсиною – все ту же наездницу Анну Гаппе на неизменном рыжем коне. И, между прочим, именно Савва Иванович, давая

Милие заказы, помог поправить крайне шаткое материальное положение.

– Подрядил расписывать балалайки и абрамцевские лавочки? – скривилась журналистка.

Однако Коровина трудно было сбить с толку.

– Не только. Заказал декорации для домашнего спектакля и хорошо за это заплатил. Ах, какие получились декорации к «Саулу»! Савва Иванович предоставил полную свободу творчества – занимайся всем, к чему лежит сердце и тянется рука художника. Так что, как ни крути, а выходит, что Мамонтов благотворитель.

– Знаете, что я вам скажу? Как-то так получается, что на огонек в дом Мамонтова слетаются самые превосходные, самые прекрасные пчелы нашего времени. И Савва Иванович великодушно позволяет этим пчелам оставлять их бесценный мед в своих ульях, сам же этим медом и питается. Где декорации к «Саулу»?

– Как где? – растерялся Коровин. – Где им и подобает быть.

– Вы не ответили.

– После спектакля их сняли, свернули и выбросили. Зачем еще они нужны?

– Вот! Значит, декорации погибли. И после этого ваш Мамонтов – меценат?

– Это кто здесь выставляет меня подлецом и эксплуататором? – раздался глуховатый, с покашливанием, голос.

Александра обернулась и увидела стоящего в дверях приземистого господина средних лет в парижском костюме и лаковых итиблетах. Соблюдая необыкновенное достоинство, господин неторопливо приблизился к ней и замер, склонив набок идеально круглую лысоватую голову и не спуская с ее лица мерцающих совиных глаз.

– Я не произносила слова «подлец», – выдержав тяжёлый насмешливый взгляд, твердо проговорила фельетонистка. – Я просто обрисовала ситуацию такой, какой она мне представляется. Имеет право человек высказывать свое мнение?

– Самой собой, человек на все имеет право. И позвольте полюбопытствовать, каково же мнение человека касательно творчества Михаила Александровича?

– Врубель – гений. Художник будущего. Декорации, балалайки, майолика – все это дела проходящие. Вот если бы нашелся воистину заботливый меценат, который предложил бы Врубелю не кусок хлеба и полную свободу, а собор и труд до изнеможения! Микельанджело, расписывая Сикстинскую капеллу, спал в сапогах, а закончив работу, снял сапоги вместе с кожей. Врубель ведь такой же. Разве нет?

– Любопытная точка зрения. И кто же вы, о грозная дева?

– Александра Николаевна Ромейко, пишу фельетоны для развлекательной газеты «Шершень ля фам».

– Как же, знаком с вашим творчеством. А я, как вы,

должно быть, догадались, тот самый подлый владелец ульев и пожиратель чужих медов.

Смело глядя ему в глаза, девушка протянула руку для рукопожатия, и, пожимая ее широкую мягкую ладонь, Мамонтов сказал:

– А ну-ка, дайте на вас посмотреть.

Отступив назад и отпустив девичью руку, хозяин дома склонил голову к другому плечу и улыбнулся:

– А вы ничего! Прогрессивная барышня! Вполне в духе времени. Должно быть, думаете и меня ужалить своим «Шеринем»?

– Это уж как получится, а написать о вас я действительно планирую. Ибо пишу с не совсем обычной точки зрения о неординарных событиях и интересных людях. Вы кажетесь мне именно таким человеком, а созданная вами частная опера освещает ярким светом жизнь Москвы.

В беседу вклинился главный редактор, вприпрыжку подскочив к хозяину дома:

– Позвольте отрекомендоваться – Гурко Петр Петрович. Творец, так сказать, и создатель и «Шериня ля фам», и фельетонистки Саши Ромейко.

– Ну, с «Шеринем» вашим «ля фам» – оно понятно. А что же такое Саша Ромейко была до вашего в ней участия? Неужели совсем ни на что не годилась?

– О, Саша всегда была незаурядной личностью, я только огранил бриллиант. Умна, начитанна, а как поет! Не хуже

матери! Я ведь женат на Сашиной тетке и, каюсь, в первый момент был увлечен не нынешней своей супругой, а ее старшей сестрой – Сашиной матушкой. Вы, Савва Иванович, не можете ее не знать – неподражаемое сопрано Аделаиды Цибульской многих когда-то сводило с ума.

– Вы дочь Цибульской? – вскинул брови Мамонтов, стремительно обернувшись к госте. – Вот неожиданно. Сейчас время обеда, и я, собственно, пришел всех пригласить к столу. Петр Петрович, берите ваши «бриллиант» и милости прошу присоединиться к трапезе. У нас по-простому, обитаем без хозяйки, Елизавета Григорьевна в Абрамцеве.

Из флигеля на хозяйскую половину вели коридор и лестница, и, пока шли, Мамонтов дружелюбно беседовал с редактором Гурко. Вернее, говорил издатель газеты, хозяин лишь вежливо улыбался и кивал головой. Продолжая начатую тему, Гурко повсю расхваливал свою протезе.

– Саша у нас ну очень интересуется женским вопросом, – говорил он. – Обучалась в Дрездене на литератора, но оставила учебу ради журналистики. Вы не поверите, откуда я только что ее вызволил!

– И откуда же?

– Из Преображенского долгауза! Подумайте только! Прикинулась сумасшедшей, чтобы написать статью о содержании женщин в психиатрической лечебнице! Шурочка разыграла, что потеряла память и не помнит, кто она и откуда. И ведь ей поверили! Молодой врач настолько про-

никся к ней сочувствием, что вызвал меня, чтобы я сделал фото бедняжки и опубликовал портрет в «Шершине» с целью найти ее родных! И вот я приехал, а там – Саша! Так что она многогранна, моя удивительная племянница. И актерский талант, и несомненный дар фельетонистки, и чудное колоратурное сопрано!

– Вот сопрано – особенно интересно, – оживился Мамонтов. – Хотелось бы послушать.

Он обернулся к госте и дружески спросил:

– Александра Николаевна, не откажете в любезности спеть?

– Отчего же? Охотно спою.

– Сумеете арию Одабеллы из «Атиллы» Верди?

– Не думаю, что помню ее наизусть, нет, не рискну без подготовки. Лучшие «Соловья» Алябьева.

– Как скажете, пусть будет «Соловей».

В просторной столовой хлопотали слуги, расставляя на столе припасы, извлекаемые из корзин под руководством крохотного человечка. Саша во все глаза смотрела на карлика, и, заметив это, Мамонтов усмехнулся:

– Я вижу, мой ординарец Фотинька произвел впечатление. Он у нас известный дамский любимец.

Карлик нимало не смутился, самодовольно усмехнувшись и кинув на девушку игривый взгляд.

– А вы и впрямь мните себя монархом. Даже карлика завели, – дерзко усмехнулась фельетонистка.

— Да ну, бросьте, какой там монарх, — отмахнулся Мамонтов. И, откидывая крышку и усаживаясь за инструмент, требовательно проговорил: — Александра Николаевна, пока накрывают на стол, прошу к роялю.

Саша приняла из рук хозяина нотную партитуру, и, глядя, как Мамонтов перебирает стопку нот в поисках еще одного экземпляра, приготовилась петь. Хозяин сел за инструмент и ударил по клавишам. Поились звуки знаменитого романса, и девушка вступила. Голос ее был высок и чист, пела Саша легко и радостно. Закончив, слегка склонила голову, и с последними аккордами рояля раздались аплодисменты. Хлопали Фотинька и Коровин. Коровин даже выкрикивал:

— Браво!

Карлик пожирал ее глазами. Серов думал о чем-то своем, а Врубель так вообще во время исполнения романса поднялся и вышел из комнаты.

— Ну что же, превосходно! — заключил Савва Иванович. — Не думали посвятить себя большой сцене? Я принял бы вас в свой театр.

— Благодарю, не имею желаний.

— Ну что ж, вольному — воля. Тогда прошу к столу.

Вернулся Врубель, принес небольшой, размером с книгу, картон. Уселся за стол, разложился и, исполняя обещанное, начал рисовать. Сперва отмерил размер, и, держа карандаш как-то боком, в разных местах картона наносил твердые

черты, соединяя, и таким образом вырисовывалась общая картина.

За столом царила непринужденная атмосфера, проголодавшиеся художники налегали на пироги с вязигой от Тестова, запивая выпечку мадерой. Врубель ел мало, продолжая чиркать карандашом и то и дело подливая себе вино. Когда он в очередной раз потянулся к стоящей рядом с хозяином бутылкой, Мамонтов вдруг сурово нахмурил брови:

– Э, нет, любезный, это вино не для вас. Оно слишком дорогое. С вас, Мишенька, довольно будет чего попроще.

Александра вспыхнула, обидевшись за художника, а Врубель даже глазом не повел. Так же невозмутимо налил вина «попроще» и с видимым удовольствием выпил. Девушка осушила свой бокал и сердито спросила:

– Скажите, Савва Иванович, вы ведь не случайно оперу оформили на Кроткова. Признайтесь, что боитесь, как бы акционеры вашей концессии не подумали, будто бы вы их денежки тратите на свою любимую забаву. Ведь так?

– Да ну, Александра Николаевна, не придумывайте. Я просто проявляю осторожность.

– Какая уж тут осторожность! Да ведь опера Кроткова разорилась! И, потерпев фиаско, вы новый свой проект оформили на госпожу Винтер. Которая, как известно, является родной сестрой вашей любовницы певицы Любатович. А теперь подумайте – разумно ли класть все яйца в одну корзину? Если, не приведи господь, случится тяжелая го-

дина, вы, господин Мамонтов, сильно рискуете лишиться и любовницы, и театра.

— Вы маленькая злючка. Злословьте сколько хотите. И пожалуйста, не думайте, что я поддамся на ваши провокации.

— А знаете, отчего я не хочу идти на сцену? — злобно прищурилась Александра, подаваясь к Мамонтову.

Размякнув от выпитого и съеденного, тот полулежал, откинувшись на спинку дивана и подперев голову рукой.

— Отчего же? — благодушно жмурясь, осведомился он.

— Не хочу быть вещью, как моя мать. Ее ведь папа купил. Ну как же! Известная певица, недурна собой. А пусть-ка эта райская птица живет у меня в клетке. Папа приобрел красивую игрушку и стал владеть. А когда наскучила, стал играть в другие игрушки. А мама от тоски и невозможности ничего изменить взяла да и покончила собой. Это уже после ее смерти папа лошадьми увлекся, а так все большие по операм ходил. И вы такой же, как мой отец. Только вы пошли еще дальше. Вы для своей Любатович аж целый оперный театр прикупили! Жены вам не жалко? Должно быть, она там, в Абрамцеве, пока вы с Татьяной Спиридоновной в Москве «Русалку» ставите, на врубелевской скамеечке в Абрамцеве горячими слезами плачет. Она-то к Богу пришла. Ей Нестеров «Видения отрока Варфоломея» посвящает, а вам, Савва Иванович, Антокольский статую Сатаны изваял. И Врубель вон у вас в доме «Демона» пишет. Не страши-

но? Ада не боитесь? Вот задумаете ставить «Мефистофеля», и подвернется вам на главную роль ну самый настоящий черт! Выпьет вашу душу досуха и спляшет на костях.

— Александра! — сделав страшные глаза, одернул девушку редактор Гурко.

— Змея! Ехидна! А с виду и не подумаешь. Вот вам и альябьевский «Соловей», — крикнул Коровин.

— Слушайте, вы, Константин Алексеевич! — набросилась на Коровина Саша. — Вот вы такой довольный и вальяжный! Думаете — Мамонтов вас пригрел, и вы бога за бороду ухватили? А вы не боитесь, что женитесь неудачно и всю свою жизнь будете мучиться? Или что ребенок у вас родится убогий?

— Что вы такое говорите? — опешил Коровин. — Отчего вдруг убогий?

— По-разному бывает.

Коровин обиженно насупил, Серов лишь покачал головой, а Врубель, положив картон на стол, сосредоточенно прорабатывал зарисовку. Пространная тирада гостыи Мамонтова все-таки задела, и он сердито проговорил:

— Вы, любезная, за свой ядовитый язык когда-нибудь заплатитесь. Вот поедете в неведомую даль писать очередной свой фельетон, и возьмут вас в плен неудобные вам туземцы. Вы начнете говорить им правду, чем прогневаете вождя, и вами отобедают.

— Напрасно беспокоитесь, господин Мамонтов, я сумею за

себя постоять. Вы, Савва Иванович, лучше со своей женой разберитесь.

— Мои отношения с женой — это исключительно мое дело, — сухо проговорил меценат, усаживаясь прямо и выравнивая спину. — Но бестактность вашу, Александра Николаевна, я прощаю, ибо знавал вашу матушку, певицу и в самом деле уникальную. К тому же вы слишком молоды, чтобы объективно судить о моногамии. Девушка вы образованная, в Дрездене обучались и потому не можете не знать, что существуют культуры, придерживающиеся полигамных отношений.

— Смешно вас слушать. Конечно, я это знаю. К чему вы клоните?

— По приглашению министра финансов господина Витте я отправляюсь в турне до Архангельска и дальше, на север. Тамошние аборигены как раз таки придерживаются традиции многоженства. Хотите, возьму вас с собой? Напишите разгромную статью о диких самоедских нравах.

— Не обижайтесь, Савва Иванович, я Сашиу никуда не отпущу, — встрепенулся издатель.

— Дядя опасается, что исполнятся ваши пророчества и меня возьмут в плен. В любом случае спасибо, господин Мамонтов, за приглашение. Я подумаю, — скупно улыбнулась Александра.

Врубель вдруг привстал, протянул ей только что нарисованную работу и, криво усмехнувшись, проговорил:

– Это вам, прекрасноголосая и злоязыкая защитница униженных и оскорбленных выпивох. Серов в Абрамцеве написал свою «Девочку с персиками», а я набросал «Бражников с мадерой на Садовой-Спасской». Видите? Так и подписал. А вам, сударыня, спасибо еще раз. Только я в защите не нуждаюсь. Я и сам все о себе знаю. Что же вы ничего не сказали о том, что не сегодня завтра я допьюсь до того, что сойду в ад, где и встречу со своим Демоном? А перед этим окончательно сойду с ума.

– Я так не думаю.

– Думаете, думаете. И, похоже, вы правы. Правы, но не во всем. Переверните рисунок.

Александра последовала просьбе и, увидев на обратной стороне карандашного наброска фигуру с шестью крыльями, в удивлении взглянула на художника.

– Вот видите, иногда я и ангелов пишу, – пояснил он. – Задумал написать Азраила, вот набросал маслом.

– Азраил? Не слышала. Вижу, он с шестью крыльями.

– А вы откройте Библию и полюбопытствуйте. Шестикрылый серафим. Помните, как у Пушкина? Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился. И шестикрылый серафим на перепутье мне явился... Пусть Азраил присматривает за вами, ведь вы не в меру самостоятельная и сильно рискуете попасть в неприятную историю, вслух произнося все, что придет в вашу красивую взбалмошную голову.

– Не слишком ли много чести мне одной? – криво усмехнулась журналистка. – Пусть архангел Азраил проследит, чтобы каждому из нарисованных на обратной стороне этого картонки воздалось по заслугам!

Сказала и тут же прикусила язык, понимая, что перегнула палку. Повисла неловкая пауза, и Мамонтов прервал тяжелое молчание:

– Александра Николаевна, у вас злой язык, но божественный голос. Может быть, споете нам еще?

– Обязательно спою, но сперва я бы выпила вина. Вот этого, дорогого, которое Врубелю не по чину.

И Александра, бережно держа рисунок на отлете и не спуская с Мамонтова дерзких зеленых глаз, потянулась к бутылке, которая стояла рядом с хозяином дома.

Москва, наши дни

Вернувшись после утренней планерки в кабинет, следователь прокуратуры Виктор Цой лениво просматривал сводку по городу, стараясь особо не вникать в перечисленные правонарушения. Казенный язык начисто лишал преступления романтического флера, и Виктор просто пробегал информа-

цию глазами. И вдруг он увидел знакомую фамилию, отчего встрепенулся и уже внимательнее прочел последнее сообщение. «Первого августа сего года в четырнадцать тридцать две в галерее «Арт-Плей», расположенной по адресу Нижняя Сыромятническая улица, дом семь, был обнаружен труп уроженца Санкт-Петербурга Павла Сергеевича Петрова, девяносто пятого года рождения. На месте преступления задержана уроженка Санкт-Петербурга Софья Михайловна Кораблина. Задержанная доставлена в управление полиции Центрального муниципального округа для дальнейшего проведения следственных действий».

– О как! – только и смог выдохнуть Вик, перечитывая часть сводки, в которой говорилось о задержании его соседки по коммунальной квартире.

Коммуналка была не совсем обычной, вернее, совсем необычной. Помимо врача-психиатра Бориса Карлинского, там проживали близкие ему люди – Виктор, племянница Соня Кораблина и старушка Вера Донатовна.

Виктор подружился с Карлинским, когда в прокуратуре стали прибегать к помощи Бориса как одного из лучших профайлеров в стране. Карлинский сам подошел к нему и спросил, правильно ли он угадал, что Вик в детстве увлекался комиксами про супергероев? Вик удивился и растерялся, потому что никому по месту службы об этом не говорил. Слово за слово, они разговорились, вместе пообедали, потом как следует выпили, а потом, познакомившись с Витиной женой Ок-

саной, Карлинский предложил переехать в пустующую комнату в коммуналке, в которой жил.

Занимали жильцы бывший дом экономки железнодорожного магната Германа фон Бекка, оставившего след в мировом кинематографе, а в самой усадьбе располагался Дом творчества. Заведением руководила Вера Донатовна Ветрова. Она и уговорила Кораблину возглавить созданную при Доме киностудию. Весь год Соня разбирала старинный архив в подвале особняка фон Бекков и только теперь вздохнула свободно, наконец-то начав бывать в публичных местах. Гулять по городу, общаться с людьми. Правда, гуляла Соня все больше под присмотром Виктора. Но стоило оставить ее одну – и вот, пожалуйста!

Набрав на внутреннем аппарате номер управления полиции Центрального округа, в ответ на сухой ответ дежурного Виктор бодро проговорил:

– Доброе утро, следователь Цой из прокуратуры беспокоит. Не подскажите, кому передали дело Софьи Кораблиной?

– Марьяне Игнатьевне Выхиной из Следственного комитета, – после секундной заминки скучным голосом ответил дежурный.

– Спасибо, очень выручили, – откликнулся Цой, вешая трубку.

Взял со стола смартфон и пробежал глазами список телефонных номеров, выбирая нужный. Карлинский – не только психиатр, но и уважаемый в высших полицейских кругах че-

ловек, и если уж кто-то и сможет помочь Соне, то только он. Следователь Цой нашел номер, нажал на вызов и, услышав знакомый голос, выпалил:

– Не зря ты, Боря, вчера волновался, что Соня домой не пришла.

– И ты здравствуй, Витюша, – благодушно пробасил сосед. – Не томи, выкладывай.

– В сегодняшней сводке Соня проходит как убийца некоего Петрова.

– Что за Петров, неизвестно?

– Ее ровесник и тоже из Питера.

– Кто дело ведет?

– Марьяна Выхина из Следственного комитета.

– Знаю такую. Вроде ничего тетка. С ней можно договориться. Мы с ней как-то маньяка Мищенко вычислили, так что Марьяна Игнатьевна у меня в долгу. Я позвоню ей, а ты узнаешь все, что можно, про Петрова. Жди сигнала, я с тобой свяжусь.

Своих дел у Виктора тоже хватало, но он все-таки отодвинул высокую стопку бумаг в сторону и начал наводить справки об убитом. Выходило, что Соня знала его с детства. Они вместе окончили школу, вместе поступили во ВГИК, только Петров рисовал костюмы и декорации, а Соня писала рецензии на фильмы. А потом парень женился на своей однокласснице Людмиле Громовой, родившейся и выросшей в Москве, а Соня вернулась в Питер. Устроился парень хо-

рошо, при музыкально-театральном сообществе «Фак-Тор». Известная контора, рок-оперы ставит. Соня тоже живет своей собственной жизнью.

Виктор имел все основания полагать, что их с Кораблиной связывают не только добрососедские отношения. В последнее время они очень сблизились, много времени проводили вместе, и с чего бы вдруг через столько лет с момента последней встречи Соне убивать Петрова? Если даже за что-то мстила, то очень отложенная месть. Да и не помнит он, чтобы Соня упоминала когда-нибудь убитого. А может, убийство произошло спонтанно? Увидела на улице Петрова – и всколыхнулась в душе старая обида. Выхватила нож и убила. Виктор поморщился. Версия – дерьмо. Не было у Со-ни ножа. Сколько раз ее Виктор просил – носи с собой хотя бы газовый баллончик! Но нет, вера в людей у Софьи так велика, что до сих пор, должно быть, уверена, будто никто ее обидеть не может.

Звонок смартфона прервал размышления.

– И угораздило же именно Соньку попасть в переделку! – пророкотал в трубку доктор Карлинский. – Я только что узнал – отправили нашу девочку в камеру предварительного заключения. Это с ее-то множественными личностями!² Неизвестно, как нестабильная психика среагирует на стресс. А если Соня включит Отца? Или Жанну? Да даже появле-

² Подробнее читайте в первой книге трилогии «Девять жизней Николая Гумилева».

ние Катюни способно напугать неподготовленного человека. Если бы я не предупредил, Марьяну Игнатьевну определенно хватил бы удар. Не каждый сможет понять, что взрослый человек не по собственной причуде изображает из себя маленькую девочку, садится на пол, сосет кулачок и, плача, зовет маму. А так я Марьяне все объяснил, и теперь Выхина не думает, что Сонька симулянтка.

– А что, Кораблина уже Катюню включила?

– По-другому и быть не могло. Когда боится, она всегда так поступает. А Выхина – святая женщина! Прониклась и дала три дня на поиски убийцы, пока обещала Соню не трогать, так и оставить сидеть на полу в одиночной камере и сосать кулак. Но и за это ей большое человеческое спасибо. Могла и в трех днях отказать. А что по Петрову?

– Погибший работал художником-декоратором в театральном сообществе «Фак-Тор», последнее время трудился над созданием декораций к рок-опере «Темный Лорд», больше пока ничего не удалось установить.

– Пока и этого хватит. Рок-опера «Темный Лорд», говоришь?

– Так она называется.

– Скинь-ка состав на сегодняшний спектакль, не может быть, чтобы среди исполнителей не нашлось ни одного моего клиента.

– Хорошо, Борь, сделаю.

– На вечер ничего не планирую, даю девять из десяти, что

пойдем в театр.

Понимая, что юмор не уместен, Виктор все же не удержался от замечания:

– Давненько я в театрах не бывал. Прямо чувствую, как культурой повеяло.

– Ты особо не радуйся, – сухо оборвал Карлинский. – Мы идем по делу, а не окультуриваться.

Виктор свернул поисковое окно с данными Петрова и поднялся из-за стола. Кинул рассеянный взгляд на подоконник, где жались друг к другу горшки с засохшими растениями, и, испытав угрызения совести оттого, что никогда не хватает времени их полить, вернулся за стол. Придвинул стопку бумаг и принялся за неотложные дела. Без пяти шесть позвонил смартфон. Следователь Цой прервал опрос свидетеля по делу о трупe бомжа в котельной и ответил на вызов.

– Собирайся, поехали, – без предисловий скомандовал доктор Карлинский.

– Прямо сейчас? Я еще не закончил оформлять...

– Завтра закончишь, а сейчас бери ноги в руки и лети на Комсомольский проспект к Дворцу молодежи. Контрамарки у меня, встречаемся у входа.

– Спасибо, на сегодня все, – сдержанно проговорил Виктор, подписывая пропуск удивленному пенсионеру.

Деда можно было понять. Он своими глазами видел, как лица без определенного места жительства выносили из котельной все, что могли унести. Когда бдительный гражданин

заглянул в котельную, то увидел бездыханное тело одного из расхитителей общественного добра и сообщил куда следует. Сегодня свидетеля вызвали в прокуратуру, и, не считаясь со своими делами, дед пришел, чтобы рассказать. И вот, когда он уже почти добрался в своем повествовании до самого главного, его, недослушав, отправляют восвояси.

Старик поднялся, сгреб пропуск со стола и с недовольным видом побрел прочь. Следователь Цой с хрустом потянулся, разминая затекшие суставы, и, закрыв все папки на рабочем столе компьютера, вышел из кабинета. Проходя мимо поста дежурного, склонился к окошку и постучал пальцем, привлекая внимание. Дежурный оторвался от экрана монитора и ошоловело взглянул на Виктора.

– Ром, я на пару часов отъеду, – направляясь к дверям, проговорил следователь Цой. – Будет шеф спрашивать, скажи, что в главк срочно вызвали.

– По какому делу? – недоверчиво прищурился дежурный, открывая журнал прихода и ухода сотрудников.

– По важному, – в перенятой у Карлинского многозначительной манере отмахнулся следователь Цой.

Уселся в старенькую «Ниву» и поехал в московский дворец долодежи, чтобы на месте взглянуть, как работалось покойному декоратору Петрову. У входа в МДМ томила очередь, и Виктор пристроился в хвост. Медленно передвигая ноги в едва ползущем людском потоке, задумался о котельной, но сердитый шепот Карлинского вернул его к реально-

сти.

– Витюша, ты что, обалдел?

Обернувшись, встретился глазами с испепеляющим взглядом Бориса и смущенно начал оправдываться:

– Борь, я думал...

– Какая разница, что ты думал! – оборвал доктор Карлинский. – Я тебя повсюду ищу, а ты тут бока греешь. Быстро за мной!

Виктор вышел из людского потока и устремился за приятелем. Они протолкались ко входу и поравнялись с дюжими парнями в костюмах, проверяющими билеты. Доктор сунул им пропуск Института Сербского, важно кивнув на Виктора:

– А это из прокуратуры.

Упоминание громких организаций сделало свое дело, приятели беспрепятственно прошли в фойе и двинулись в зал.

– Это и есть твои контрамарки? – осведомилсяследователь Цой.

– Это даже лучше, – дернул плечом Карлинский.

– И где мы будем сидеть?

– Понятно где. В первом ряду, в ВИП-зоне.

Виктор недоверчиво взглянул на вальяжно идущего по коридору приятеля, с сомнением в голосе протянув:

– С чего бы это такая предупредительность?

– Я же сказал, что не может быть, чтобы никто из актеров не прибегал к моим услугам, – невозмутимо откликнул-

ся Борис. – А тут бери выше – моим пациентом лет двадцать тому назад был сам режиссер. Да-да, на заре туманной юности я кодировал от алкоголизма Эрнста Вельдша. И сегодня Эрик не смог мне отказать.

Цой уселся рядом с Карлинским в первом ряду мерно гудящего зала и в ожидании начала стал смотреть на занавес, с белой ткани которого кровавыми разводами стекало название пьесы.

– Прямо граффити, – хмыкнул Карлинский. – Искусство улиц.

Когда подняли занавес, Виктор убедился, что в той же манере уличной росписи стен и заборов выдержаны и все остальные декорации. Сам же спектакль представлял собой соединение мюзикла, цирка, балета и рок-концерта. Шумело, гудело, мелькало и грохотало так, что становилось дурно. Но, привыкнув, через некоторое время зритель быстро вытягивался в происходящее на сцене и даже находил в представлении известную прелесть. Следователя Цоя удивило, что больше половины присутствующих в зале знают дословно тексты арий и, не стесняясь, громогласно подпевают актерам. Некоторые моменты пробирали до мурашек, особенно Виктору запомнилась Девочка-Смерть. Вся такая нежная, беленькая и выводит свою арию ангельским голоском. Когда она запела, Карлинский толкнул Виктора в бок и возбужденно зашептал:

– Эту тоже знаю. Не так давно освидетельствовал на пред-

мет дееспособности.

– Что сделал этот ангел?

– Жениха совковой лопатой избил. Парню дали группу инвалидности.

– А ей?

– Ей тоже.

Не зная, что сказать, Виктор помолчал и с сожалением заметил:

– Все не то, чем кажется.

– Не то, Витюша. Ой, не то, – подхватил приятель. И оптимистично предложил: – Ну что, пойдем в перерыве с Вельдшем поболтаем?

– А может, лучше с Девочкой-Смертью?

Карлинский неодобрительно взглянул на друга, обронив:

– Экий ты нетерпеливый. Успеешь еще. А пока Эриком ограничимся.

Они прошли по коридору до двери с табличкой «Службное помещение. Посторонним вход запрещен» и постучали.

– Входите, не заперто! – донеслось изнутри.

Режиссер оказался не один. Эрнст Вельдш отдыхал в своем кабинете в окружении приятной компании из не занятых в спектакле актеров, актрис и просто сотрудников театра. Творческие личности пили коньяк и обсуждали смерть декоратора. Появление новых персонажей в общем шуме осталось почти незамеченным.

– Это Люська его зарезала, сучка ревнивая, – горячо гово-

рила маленькая блондинка с кошачьим личиком. – Она же, как дура, Пашку ко всем ревновала.

– Да ладно, Кэт, ты на Люську не гони, Люська все время была в холле со своим Илюшей Саркисяном, – перебила голенастая длинноволосая брюнетка в откровенном топе и крохотной юбочке.

– А вот и нет. – Кошачье личико Кэт от возбуждения пошло пятнами. – Я с Илюхой разговаривала. Саркисян говорит, что Люська отходила в туалет. И как раз в тот самый момент, когда девица, с которой Пашка был, заорала благим матом.

– Так девица и зарезала, – лениво протянул небритый парень в бейсболке. – Эй, народ! Кто это вообще такая? Откуда взялась? Кто-нибудь знает?

– Да какая-то Пашкина бывшая, к которой Люська ревновала, – пояснила голенастая.

Налив из пузатой бутылки «Камю» и пригубив напиток, парнишка в кожаной косухе включился в разговор.

– Не думаю, что это Людмила, – гурмански посмаковав и проглотив, проговорил он. – Она хоть и дура, но мозги у нее есть. Верьте слову, Тридцать Первого люди Шестикрылого убили. МиГ обещал, что докопается до истинного имени этого подонка, тот и сдрейфил.

– Ну докопается. И че? – прищурился похожий на плюшевого медведя бородач в расписной бандане.

– И ниче, – разозлился гурман в косухе. – Тогда можно

предъявить Шестикрылому за странную смерть Супер Боба. Ведь ясно же, кто проломил Бобке башку.

Карлинский поднялся с дивана.

– Господа! Прошу минуту внимания, – взмахнув рукой, оборвал он говорящих. – Нельзя ли повторить то же самое, только с пояснениями для непосвященных?

– Это кто? – лениво обернулся небритый к режиссеру.

– Мой хороший друг, маг и волшебник, Боря Карлинский, – промямлил смущенный Вельдш. И распорядился: – Проясните ситуацию, Борис в курсе нашей беды.

Плюшевый подался вперед и заинтересованно спросил:

– Че, правда маг?

– Ну да, похоже на то, – приосанился Карлинский. – Так что с Петровым?

– Пашка жил в мире граффити, – начал рассказывать гурман в косухе. – В этом мире его звали МиГ тридцать один. В простонародье – Тридцать Первый. Или просто МиГ. И МиГ объявил войну Шестикрылому. Слышали о таком явлении стрит-арта?

– Я, дружок, больше по другой части и не особенно силен в современном искусстве, – ласково улыбнулся Карлинский. – Буду очень признателен, если изложишь подробности.

– Да ладно гнать, – неподдельно изумился гурман, во все глаза рассматривая собеседника. – Везде трубили о картине Шестикрылого, проданной на заграничном аукционе за

туеву хучу денег, и про то, как эта картина самоуничтожилась после покупки при помощи встроенного в раму шредера. Неужто не слышал? Ну ты, старик, даешь!

– Я что-то такое слышал, – оживился в своем углу Виктор.

– Слышал что? – обернувшись к Вику, рассказчик глумливо вскинул бровь.

– Что ту картину Шестикрылого купила Мадонна.

Гурман оглядел следователя с ног до головы и, явно не принимая всерьез, ехидно проговорил:

– Хоть кто-то что-то слышал!

И, снова обращаясь к Карлинскому, деловито продолжил:

– Так вот, при помощи шредера изрезана была лишь часть картины, оставшийся кусок ушел на тех же самых торгах вдвое дороже, чем стоил весь так называемый «шедевр». В Инстаграмме Шестикрылый не постеснялся написать, что он крайне огорчен тем, что ему отвалили немерено бабла. Он-де хотел показать быдломассе, что они придурки и хавают шлак. А вон оно как вышло. Еще больше денег в клюве принесли.

– Тут ведь дураку понятно, что все заранее было просчитано и это тупо рекламный ход, – усмехнулась длинноногая брюнетка.

– Этой своей выходкой Шестикрылый плюнул в мир граффити, – заявила крохотная Кэт. – Мы – андеграунд, а не поп-арт. Нельзя нанять коммунальщиков и разрисованный кусок стены закрыть плексигласом, чтобы вандалы не попортили,

ибо это противоречит самой идее уличного искусства. А трафаретную мазню Шестикрылого власти города обносят заграждениями и берут под стекло. Пипец какой-то.

– Да дело даже не в этом, – отмахнулся бородатый. – Последней каплей, переполнившей чашу терпения сообщества, стала дикая выходка Шестикрылого. Прикиньте, этот поц покрасил своим трафаретом граффити Супер Боба – райтера-легенды. Бобка еще лет пятнадцать назад сделал рисунок под мостом, в таком месте, куда хрен долезешь. И ни один паркурщик с баллончиком краски в руках не посягнул на его работу, ибо картинка уже стала символом этого города. И только Шестикрылый, гад, посмел намалевать поверх шедевра Боба свой дешевый трафарет.

– Шестикрылый не рисует сам? – уточнил Карлинский. – Только по трафарету?

– Это его ноу-хау, – глумливо скривился плюшевый. – Вроде как он придумал свой собственный стиль – трафаретный. А на самом деле, как я понимаю, этот додик просто медленно рисует и плохо бегают. Пару раз застукали дурака у стены с баллончиком, отмутузили в отделении полиции, он и задумался, как бы ускорить творческий процесс.

– В общем, – продолжил рассказ бородатый, – Боб покрасил мазню Шестикрылого и поверх вывел новую надпись. Шестикрылый ответил новым трафаретом. Их граффити-баттл длился полгода, пока Супер Боба не нашли с проломленной башкой.

– А ты расскажи, как попал под поезд Пинки Пай. Это чувак, который с детства бомбит поезда, расписал основную часть вагонного фонда РЖД, всю жизнь провел на колесах и ни разу даже не поскользнулся, не говоря уже о том, чтобы свалиться на рельсы. Пинк как-то написал в инете, что новая работа Шестикрылого – фуфло, впрочем, как и старые. И после этого его тут же переехало товарняком.

Доктор Карлинский принял из рук режиссера наполненный фужер и, отхлебнув коньяку, поморщился, неодобрительно протянув:

– Ну это уже конспирология. А вот история Супер Боба заслуживает того, чтобы в ней разобраться.

– Да на хрен кому надо разбираться? – поморщился небритый. – Списали на несчастный случай. Шел, поскользнулся, упал, очнулся – дыра в башке.

– Не скажи, дружок, – улыбнулся Карлинский. – Виктору надо. Он следователь прокуратуры по особо важным делам, интересуется предумышленными убийствами, к которым, несомненно, относится не только гибель Боба, но и смерть Павла Петрова.

– Было бы прикольно, если бы уголовное дело завели, – пискнула Кэт.

– Обязательно заведут, – заверил психиатр. И тут же потребовал: – Если, парни, хотите помочь следствию, выкладывайте все, что знаете о Шестикрылом.

В раздавшемся гуле голосов можно было различить:

– Темный тип.

– О нем вообще ничего не известно.

– Откуда взялся – фиг знает!

– Друзья, друзья, послушайте! А существуют карты, где отмечены его работы? – перебивая говоривших, заинтересовался Вик. – Где-нибудь помечены места, где он оставил свои трафареты?

– Тебе зачем?

Следователь Цой смутился, но, теребя в руках смартфон, пояснил:

– Понимаете, дело в том, что в криминологии есть методика, позволяющая вычислить преступника по маршруту его передвижений. Хочу рискнуть.

– Ну-ну. Рискни, – усмехнулся бородач.

Порылся в смартфоне и спросил:

– Куда тебе скинуть?

– На вотсап.

– Диктуй номер.

Цой продиктовал, звякнуло доставленное сообщение, и следователь впился глазами в экран смартфона.

– А почему он, собственно, Шестикрылый? – запоздало удивился Карлинский. – Вы не думали, что это производное от фамилии? Шестаков? Крылов? А может, его имя Серафим?

– Хрен его знает, такой тэг, – не отрываясь от смартфона, нехотя протянул бородач.

– В смысле подпись? – подсказал Карлинский.

– Можно и так сказать.

– Ну, типа, кличка?

– Че пристал? – разозлился парень. – Может, кличка. Может, имя. Говорю же, тэг его Шестикрылый, а уж отчего он так подписывается – хрен поймешь.

Доктор Карлинский тонко усмехнулся и, почесав под синим поло окладистый живот, многозначительно заметил:

– В том-то и дело, что хрен поймешь. Да, интересно получается. Шестикрылый. И я подумал в порядке бреда. Просто припомнилось. В психиатрической больнице на улице Восьмого Марта лет десять назад был сторож, ветхий, как Мафусаил. Так он рассказывал всем подряд о выполненном маслом наброске – шестикрылом серафиме, которого когда-то Врубель написал. Вроде как если на обратной стороне шестикрылого серафима карандашом нарисовать своего врага и проговорить, что с ним должно случиться, то это обязательно произойдет.

– Старик из выздоровевших, что ли? – хмыкнул гурман в косухе.

– Ну да, – расплылся в улыбке Карлинский.

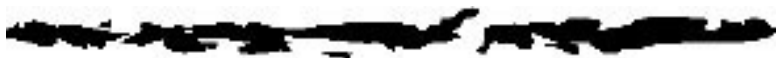
– Не до конца он вылечился, раз бред несет.

– В любом случае стоит наведаться в больничку и деда расспросить, может, припомнит Мафусаил кого из расписывавших стены постояльцев, – оживился до сего момента молчавший режиссер Эрнст Вельдш. – Глядишь, и выйдем на

шестикрылого гада.

– Ну спасибо за коньяк и за беседу, поедем мы, – проводя рукой по густому ежику волос, поднялся с дивана Борис.

И, огибая разбросанные по кабинету кресла и диваны, на которых расположились артисты, устремился к дверям. Вместе с доктором откланялся и Виктор Цой, выскользнув за другом едва заметной тенью.

Москва, 1894 год

От Мамонтова вышли в темноте – в храме Живоначальной Троицы звонили ко всенощной.

– Ну, матушка, удивила! – издевательски пропел редактор Гурко, недовольно оглядывая племянницу. – Рехнулась ты, что ли? Куда тебя понесло?

Держа перед собой подарок Врубеля, Александра с досадой посмотрела на издателя газеты.

– А что такого? – огрызнулась она. – Я правду сказала, разве не так?

– Кому интересна правда? Мамонтов миллионами ворочает. Что пожелает, то и сделает. Захочет – заставит Врубеля кирпичи лепить, а захочет – скажет в колодец прыг-

нуть. А ты со своей правдой. Поехали, я отвезу тебя.

– Не хочу домой, там папа со своими лошадьми. Каждый день играет на бегах, каждую ночь напивается. Надое-ло. Поеду к Володе.

– Ну что ж, к Володе так к Володе.

Сев в пролетку, они тронулись по Садовой-Спасской, на-правляясь к Красной площади. В антрацитовых лужах от-ражались тусклые фонари, слаженно цокали копыта ло-шадок. Услышанная в больнице новость о беременности так и распирала фельетонистку изнутри, и очень хотелось с кем-нибудь поделиться. Александра обернулась к редакто-ру и позвала:

– Дядь Петь!

– Ну, что еще? – недовольно откликнулся Гурко, хмуро глянув на племянницу.

Всю дорогу он был погружен в свои мысли, и, похоже, ему было не до Сашиных откровений.

– Нет, ничего, – отмахнулась Саша, не отважившись от-крыться.

Свернули на узкую улочку и, подъехав к двухэтажному, с лепниной, дому, остановились у ограды.

– Как думаешь, Мамонтов не сильно на нас разгневался? – помогая Александре выбраться из экипажа, робко осведо-мился Гурко.

– Дядя Петя, бросьте трусить, – решительно проговори-ла девушка, заходя в распахиваемую дворником калитку.

– Ночи доброй, Александра Николавна. А барина дома нету, – сообщил привратник. – Изволили уехать.

– Куда, не говорил?

– Не говорил, да я сам слышал. Велели везти себя в «Славянский базар».

Александра развернулась и опрометью бросилась к готовой тронуться пролетке, в которой вальяжно развалился дядюшка.

– Дядя Петя! – на бегу кричала девушка. – Довезете до «Славянского базара»?

– Отчего ж не довезти? Садись, поехали, – согласился тот.

Трясаясь на жестких шинах, она уже предвкушала, как расскажет любимому о новой жизни, что зародилась у нее под сердцем благодаря их любви. То-то Володя обрадуется! Много раз предлагал он пожениться, но Александра все время отшучивалась. Говорила, что формальности ни на что не влияют, что они и так как одно целое и брак лишь только все опошлит. Теперь, пожалуй, имеет смысл принять предложение. И похвастаться любимому шестикрылым серафимом Врубеля.

У «Славянского базара» фельетонистка выпрыгнула из экипажа и, пробежав мимо швейцара, устремилась в ресторан. Володя и раньше частенько бывал в этом знаменитом заведении – они с университетским приятелем Коковцевым любили проводить здесь вечера. Коковцев служил в судебном

ведомстве и иногда бывал Володе полезен. Скинув на руки гардеробищику пальто, девушка направилась в зал, взяв курс на метрдотеля.

— Прошу вас, любезный, проводите к князю Соколинскому, — распорядилась она.

Сбитый с толку уверенным тоном посетительницы, служащий ресторана осторожно осведомился:

— Князь вас ожидают?

— Само собой, — отмахнулась Александра, сосредоточившись на том, чтобы не испортить подарок Врубеля.

Швейцар с сомнением оглядел посетительницу и с видимой неохотой повел в номера. Александра шла за ним по длинному, освещенному электрическими розжками коридору, держа картину за уголок и стараясь не задевать длинную, в пол, юбку. Из-за дверей, мимо которых они проходили, слышалось пение цыганских хоров или томное, льющееся из патефона танго. Проводник остановился перед запертой дверью, стукнул в филенку и с достоинством удалился. Александра подумала, что это какое-то недоразумение — зачем в кабинете, где мужчины говорят о делах, звучать столь страстной мелодии?

Но в следующий момент дверь распахнулась, и на пороге предстал Серж Коковцев. Он был без рубашки и босиком. Пока бывший университетский друг Володи в изумлении таранился на нее, Саша с замирающим сердцем вглядывалась в переплетенный на диване клубок тел, в котором можно

было различить ее обнаженного жениха и какую-то девицу. И тоже в неглиже.

— Вольдемар... — придя в себя, шепло проговорил Коковцев.

Тот не откликнулся, и Александра, отодвинув университетского друга в сторону, прошла в глубину кабинета. Еще одна девица сидела в кресле, подобрав под себя босые ноги и бесстыдно поглаживая ослепительно белую грудь. Она с любопытством рассматривала вошедшую, предвкушая пикантную сцену. Коковцев бросился к дивану и рванул товарища за плечо, с отчаянием выкрикнув, стараясь заглушить патефон:

— Да Вольдемар же!

И только теперь жених Александры оторвался от своего занятия и раздраженно выдохнул:

— Какого черта тебе нужно, Серж?

— Александра Николаевна пришла, — чуть слышно прошептал приятель.

— Какого черта... — начал было Владимир снова, но, должно быть, понял смысл сказанного Коковцевым и в панике вскочил.

Девица, захихикав, неспешно встала с дивана, собрала с пола юбки и удалилась за ширму. Ее подруга покинула кресло и, голая и пышная, как непропеченная булка, величаво ступая, тоже скрылась за загородкой. Оттуда раздался их громкий смех, слившийся с последними аккордами аргентинского танго.

Саша стояла перед голым князем, испытывая смешанные чувства. Хилый и бледный, как выбравшийся на свет червяк, он вызывал отвращение и жалость. Но сильнее всего фельетонистку душил гнев. И острое чувство предательства, раскаленными щипцами сдавившее внутри все так больно, что стало невозможно дышать.

– Сашенька, – робко начал жених, прикрываясь сдержанной со стула белой сорочкой.

– Как ты мог? – презрительно выдохнула девушка, краем глаза наблюдая, как Коковцев поспешно натягивает рубашку.

Она брезгливо отдернула руку, до которой дотронулся князь, и развернулась, чтобы уйти. И тут из-за ширмы выступили девицы, бесцеремонно загородившие дверь.

– Ну что же, господа, мы с вами прощаемся. Мы с Мими решили сегодня с вас денег не брать, – сообщила разодетая толстуха, делая царственный жест рукой.

– Постоянным клиентам раз в полгода положено бесплатное обслуживание, – хихикнула Мими.

Девицы развернулись и выплыли из номера. Следом за проститутками, подхватив шляпу и трость, опрометью выбежал Коковцев.

– Сашенька, ты не так поняла, давай поговорим, – взмолился оскандалившийся жених, торопливо одеваясь перед дверью и лишая невесту возможности уйти.

– Давай, – с неожиданной легкостью согласилась она. –

Вот скажи мне, друг мой Владимир, что бы ты сказал, если бы застал меня в такой же ситуации? Ну, вот представь себе – приходишь ты в ресторан, где надеешься найти меня, скажем, в обществе Долли Иваницкой. Открываешь дверь в отдельный кабинет и застаешь свою невесту в объятиях вульгарного жигало. Долли при этом тоже раздета и тоже, похоже, нескучно проводит время. И, как явствует из прощальной речи кавалеров, это происходит далеко не в первый раз.

– Поверь мне, дорогая, ничего ужасного не случилось. Это вполне нормально, когда мужчина расслабляется в компании дам.

– Зачем тебе так расслабляться? Я бы поняла, если бы отказывала тебе в близости. Но я же не ханжа и с радостью дарю тебе ласки.

– Как ты не понимаешь? Это все не то! Мужчина по природе своей полигамен. Он любит одну женщину, а обладать хочет многими.

– Значит, все это время ты мне лгал?

– Отнюдь. И перестань уже сердиться. Сейчас поедem домой, напьемся чаю, ты станешь музицировать и петь, а я буду любоваться тобой.

Говоря это, он, стоя перед зеркалом, повязывал галстук. А повязав, поиграл бровями, подправил тонкую ниточку усов и, словно ничего не случилось, обернулся к девушке. И только теперь заметил картину у нее в руках.

— Саша, что это у тебя? Покажи.

— Тебе неинтересно.

— Почему ты знаешь?

— Это не имеет отношения ни к юриспруденции, ни к продажным женищинам.

Она отстранила его протянутую руку и вышла из номера. Владимир сделал было движение остановить ее, но Александра отшатнулась, и большие женихи ее не задерживали.

...На Николаевском вокзале толпился народ — провожающие заглядывали в окна стоящего под парами поезда до Ярославля. У последнего вагона суетился, заноса многочисленные чемоданы, круглый толстячок. Рядом сбивалась с ног сдобная хлопотливая дама, напомнившая Александре курицу, только что снесшую яйцо. Перебегая от корзины к чемодану, от чемодана к саквояжу, она, сверкая глазками и всплескивая ручками, то и дело спрашивала:

— Тусик, ты плед взял? А будильник? Будильник не забыл? А курочку? Где курочка отварная? Не вижу курочку!

Глядя на даму, фельетонистка дала себе слово, что ни за что не станет такой вот клушей — женой, полностью растворившейся в собственном муже. Вдоволь налюбовавшись на забавную пару, стала с нетерпением вертеть головой по сторонам, высматривая Савву Ивановича, обещавшего устроить ее с возможным комфортом. Заметив приближающегося в окружении свиты Мамонтова, приветствен-

но махнула рукой.

– Доброго здоровья, Александра Николаевна, – проговорил меценат, подходя и галантно целуя ей руку.

Александра отпрянула, с негодованием выдернув кисть – она не признавала унижительного для женичины ритуала целования рук.

– Что же вы все брыкаетесь, как норовистая лошадка, – усмехнулся Мамонтов. И тут же стал серьезным. – Пойдемте, я представлю вас коллеге по перу.

Они прошли в купе и там нос к носу столкнулись с Тусиком.

– Позвольте рекомендовать вам господина Оглоблина. Кузьма Ильич пишет для «Московских ведомостей» под псевдонимом Неудобный. А это, Кузьма Ильич, Александра Николаевна – Саша Ромейко из «Шершень ля фам».

Супруга Оглоблина тут же кинулась к Александре, схватила ее за обе руки и зачистила:

– Голубушка, Александра Николаевна, прошу вас! Нет, умоляю! Как женичина женичину. Присматривайте за Тусиком! У него слабое горло, достаточно малейшего сквозняка, чтобы он простыл. Не позволяйте Кузьме Ильичу пить холодную воду! И следите, чтобы не раскрывался по ночам.

– Как унижительно и пошло! – оборвала Саша. И, выдернув пальцы из горячих рук собеседницы, сердито продолжила: – Вы что же, полагаете, что все путешествие мы с вашим Тусиком проведем в одной спальне? Не кажется ли вам,

что этой своей просьбой вы как бы заранее благословляете супруга на адюльтер?

— Александре Николаевне палец в рот не клади, она у нас зубастая! — усмехнулся Мамонтов.

— Да ну, голубушка, какой там адюльтер! — Жена Неудобного замахала короткими ручками. — Тусик совсем как дитя, так что выбросьте глупые мысли из головы! Прошу вас как женищина женищину, проверяйте его перед сном, не прихватило ли сердце, не скрутило ли спину. Обещаете мне? Нет, вы непременно пообещайте!

— Да-да, хорошо, — чтобы только отделаться от докучливой особы, закивала фельетонистка.

— А ты, Тусик, дай мне клятву, что станешь во всем слушаться Александру Николаевну.

— Да, дорогая.

— Не «да», а поклянись.

— Ну, хорошо. Клянусь.

— Вижу, Александра Николаевна, вы нашли общий язык с будущим попутчиком, — проговорил Мамонтов. — Ну что ж, теперь, когда я уверен, что все у вас в порядке, пойду к себе.

Супруга Оглоблина покинула купе только тогда, когда дали третий гудок.

— Вы что же, знакомы с Мамонтовым? — расставляя на полке фотографические карточки, на которых был запечатлен он сам в компании с какой-нибудь знаменитостью, ревниво осведомился Неудобный.

— И весьма коротко, — соврала Александра, желая подразнить нового знакомого, внезапно оказавшегося снобом. — Насколько коротко, что Врубель даже зарисовал наше с ним застолье.

И девушка вытащила из саквояжа и поставила рядом с фотокарточками соседа карандашный набросок Врубеля.

— Вы позволите?

— Конечно.

Оглоблин потянулся и взял картон, рассматривая.

— Надо же! И в самом деле рука Врубеля. Это кто же тут трапезничает? Коровин, Серов, вы, Александра Николаевна, и Савва Иванович. А это кто?

— Издатель «Шершень ля фам» Петр Петрович Гурко.

— А, Петр Петрович! Не узнал, богатым будет. Любопытно переданы позы. Довольно напряженные, надо сказать. Хотелось бы узнать, о чем вы говорите?

— Я делала страшные пророчества, — округлила глаза Саша. — Говорила, что у Коровина ребенок родится убогим.

— За что ж вы его так?

— Не нравится он мне. Не в меру довольный собой и жизнью.

— Что же вы еще напроорочили?

— Ну-у, я сказала, что, когда Савва Иванович разорится, все те, кто сейчас ест с его рук, все, для кого он создал свой оперный театр, сбегут от него, словно крысы. А может быть, даже спляшут на его костях, растащив остат-

ки некогда огромного состояния.

– С чего вы решили, будто Мамонтов разорится?

– Он слишком любит искусство, вернее, себя в искусстве. И не жалеет денег для того, чтобы порадовать себя, любимого, идеальной постановкой на сцене собственного оперного театра. Как вы, конечно, знаете, костюмы, декорации, итальянские тенора – все в частной опере Саввы Ивановича по самому высшему разряду. И стоит немислимых денег. Сейчас денег хотъ отбавляй. Но рано или поздно белую полосу сменяет полоса черная. Не может все время человеку так сказочно везти. Рано или поздно случится катастрофа.

– Александра Николаевна, да вы завидуете Мамонтову!

– Вот еще! – презрительно фыркнула фелъетонистка. – Чему завидовать? Его деньгам? Я тоже девушка не бедная. Свободе Мамонтова? Я тоже делаю лишь то, что я хочу. Так что здесь вы, Тусик, ошибаетесь.

Вопреки ожиданиям, на «Тусика» собеседник не обиделся и с живостью продолжил диалог:

– А что, исходя из ваших прогнозов, ждет Серова?

– Судя по тому, как Серов взялся за дело, он напишет портреты всех, кого только можно, включая царствующих особ.

– А что же Врубель?

– А Врубель сам сказал, что завершит свой путь земной в лечебнице для умалишенных.

– Отчего-то я совсем не удивлен. Вы знаете, Александра

Николаевна, как-то я стал свидетелем одной беседы. С небезызвестным доктором Сикорским советовался озабоченный приятель Михаила Александровича. Приятель рассказал, что Врубель занял денег у всех своих друзей, сообщив, что ему нужно срочно ехать в Киев на похороны отца. А когда Михаил Александрович отбыл в Киев, в Москву пожаловал его отец. Приятель пошутил, что для покойника тот выглядел вполне неплохо. Так вот, Сикорский был чрезвычайно озабочен и заметил, что такие фантазии вполне могут быть симптомами надвигающейся душевной болезни. Я думаю, что Врубель слишком близко общался с психически больными и ему передалось их безумие.

– Что за чушь?

– Ничего не чушь. При росписи Кирилловской церкви в качестве натурры для апостолов с фрески «Сошествие Святого Духа» Врубель рисовал лица больных из расположенной на территории прихода психиатрической лечебницы. В истощенных силуэтах, в смятенных взглядах умалишенных он улавливал некое запретное знание, недоступное нормальному и, следовательно, ограниченному разуму. Говорил, что сумасшедшие знают что-то такое, чего не ведают обычные люди. Что они, отрезанные безумием от всего обыденного, способны испытать истинное духовное просветление. Думаю, Михаил Александрович умышленно сводит себя с ума неумеренным потреблением горячительного, чтобы стать такими же, как они, просветленным.

Неудобный еще раз взгляделся в рисунок, перевернул картон и отпрянул. Пристальным лазоревым взором на него глянул тонко выписанный человеческий силуэт о шести крыльях. Журналист «Московских ведомостей» передернулся, словно от озноба, и торопливо поставил картон на полку.

– Отчего вдруг на обороте шестикрылый серафим? – с недоумением протянул он.

– Это один из вариантов будущего великого врубелевского Азраила, – поддразнивая нового знакомого, злоеце проговорила девушка. – Сам Врубель вложил мне этот картон в руку, сообщив, что с изображенными на обороте все будет так, как говорили в тот момент, когда он их рисовал. Шестикрылый серафим за этим проследит.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть. Врубель – человек необычный, это факт, – тонко улыбнулся Оглоблин. – Может, уже и достиг высших сфер, недоступных нашему пониманию.

Он склонился к саквояжу и спросил:

– Не побрезгуете откушать со мной курочку? Пусик варила, а она у меня большая мастерица.

Саша фыркнула, но от курицы не отказалась.

Прорезая бескрайние российские просторы, поезд стремительно мчался на север. Неожиданно для себя фельетонистка подружилась с соседом по купе. Александру забавляло, как, подпрыгивая на рельсах и сосредоточенно морща

лоб, во время пути репортер Неудобный заранее строчил «молнии» на телеграфном бланке, чтобы во время стоянки успеть отослать материал в редакцию. Смешно шевеля губами, он вслух перечитывал:

— В честь приезда Витте губернатор Ярославля давал обед, на котором присутствовали представители земства и города, но министр, увлеченный осмотром святынь и торговых учреждений, к ужасу поваров, опоздал почти на полтора часа.

И, обернувшись к Саше, уточнял:

— Ну как? Достойно?

— Мы еще не приехали в Ярославль, а вы уже стешите составить отчет, — веселилась девушка.

— А как же иначе? Когда же писать?

— А вдруг министр успеет на обед? Вы выставите себя лгуном.

— Да ни за что не успеет, вот попомните мои слова. Насколько я знаю, Витте совершенно равнодушен к обедам и необычайно внимателен к святыням.

Поезд, не снижая скорости, неся по рельсам. В окне мелькали поля и перелески, на столе, выставив к потолку чудом уцелевшую ножку, подрагивала недоеденная курица, которой Неудобный настойчиво потчевал свою спутницу. Путешественники дремали на мягких диванах, ожидая прибытия. К ночи поезд пришел на вокзал. Вокзал оказался невелик, но чист и уютен. Ближе к полуночи выехали экс-

тренным поездом до Вологды. Там уже пересели на паром и продолжили путешествие по воде, запланированное вплоть до берегов Норвегии.

В Устюге задержались – в доме Грибанова была устроена выставка творений местных кустарей и некоторых редкостей. Александра прогуливалась по просторной избе среди мехов медведей и черно-бурых лисиц, рассматривая выставленную на полках оберточную бумагу высокого качества, произведенную здесь же, на местной мануфактуре. Повсюду стояли разнообразные жестяные шкатулки с бесчисленными секретами, в рулонах лежали льняные полотна, на столах красовались тонко вышитые скатерти.

Дав гостям насладиться народными промыслами, позволили в гостиную пить чай, и бородатые в поддевках представители купечества и городского общественного управления упрашивали министра финансов учредить в Устюге отделение Государственного банка, а также провести ветку Пермско-Котласской железной дороги через их город. Мамонтов внимательно слушал, кидая многозначительные взгляды на Витте. Министр финансов не говорил ни «да», ни «нет» и так же многозначительно молчал.

Министр со свитой ночевал в доме городского головы, остальные путешественники – в местной гостинице. Дальше двигаться возможно было только вплавь. Сбор назначили на раннее утро. С первыми лучами солнца к пристани стали съезжаться богатые коляски с высокими гостями

и брички попроще, доставлявшие журналистскую братию. Пока навьюченные скарбом пассажиры взбирались на палубу, начался ливень. Под проливным дождем пароход «Николай» отчалил от Устюжской пристани, но не проплыли и десяти верст по Северной Двине, как он вздрогнул всеми своими стальными кишочками, беспомощно рванулся и сел на мель. По палубе забежали. То и дело слышались выкрики матроса:

– Вперед! Назад! Застопорить машину! Полный ход! Малый ход!

– Сама судьба не преминула удостоверить, насколько целесообразно ходатайство устюжского купечества перед министром о проведении железной дороги, – философски заметил Мамонтов, наблюдая из иллюминатора кают-компани, как в поднявшейся суматохе команда «Николая» выбивается из сил в попытках сдвинуть с места точно приросший к дну корабль.

Все тут же принялись восхищаться глубиной и своевременностью замечания железнодорожного магната. И репортер Неудобный тут же аккуратно занес слова Саввы Ивановича в записную книжечку, с которой никогда не расставался. Александра записывать поленилась, решив, что столь глубокую мысль будет трудно забыть.

Наконец собравшиеся в кают-компани путешественники в иллюминаторы увидели, как в синей мгле показались огни крохотного конвоировавшего «Николая» парходика «Са-

моед». Пассажиры тут же высыпали на палубу и стали наблюдать, как капитан их корабля переговаривается с капитаном «Самоеда». Тот никак не мог взять в толк, что происходит и чего от него хотят. Когда наконец понимание было восстановлено, матросы долго и безуспешно пытались передать на «Самоед» канат, а когда передали, то выяснилось, что канат не к чему привязать. Наконец машинист «Самоеда» ухитрился прикрепить канат к своей машинной оси, и, надрываясь и крича, крохотный пароходик стал тащить внушительного «Николая» с мели. Таким манером в шесть утра прибыли в Котлас.

Над берегом, где остановился пароход, возвышался погост. И, едва только ступив на землю, путешественники сразу же поняли, что двигаться можно только вверх. Пренебрегая уроном, наносимым верхнему платью, министр и свита стали карабкаться по насыпи. Александра взбиралась вместе со всеми, в особенно трудных местах протягивая руку охающему Неудобному. Взбравшись на самый верх и приложив к глазам болтавшийся на шее бинокль, Савва Иванович в восхищении зацокал языком.

– Более идеальную пристань нельзя себе и представить! Взгляните только! Наш пароход подошел к берегу вплотную! Берег высок настолько, что никогда не заливается водою, и тут же идет обширное пологое пространство, где, по всему вероятию, быстро вырастет торговый город, как только сюда подойдет сибирский хлеб. Здесь хлебные амба-

ры могут быть расположены вдоль самого берега реки, так же как и линия железной дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.